

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

О.А. Жанситов

**МЕЖСОСЛОВНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В КАБАРДЕ В КОНТЕКСТЕ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

НАЛЬЧИК · 2014

УДК – 94(470.64)084.3
ББК – 63.3(2Р.К-Б)61–28
Ж – 31

Печатается по решению Ученого совета
Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН

Рецензенты:

кандидат исторических наук *З.А. Кожев*
кандидат исторических наук *Т.Х. Алов*

Жанситов О.А. Межсословные отношения в Кабарде в контексте революционных процессов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 67 с.

Революционные процессы и гражданская война в Кабарде рассматривались до сих пор как противостояние идеологий, социально-политических систем. В данном исследовании внимание акцентируется на сословно детерминированных мотивах участия различных социальных групп кабардинского общества в событиях 1917–1920 гг. Эту задачу позволил решить проведенный на основе архивных, мемуарных, фольклорных источников и литературы ретроспективный анализ динамик межсословных отношений в Кабарде в последней трети XIX – начале XX вв.

Данное исследование предназначено для научных работников и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-901497-79-1

© Жанситов О.А., 2014
© КБИГИ РАН, 2014

INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS

O.A. Zhansitov

**INTERCLASS RELATIONS
IN KABARDA IN A CONTEXT
OF REVOLUTIONARY PROCESSES**

NALCHIK · 2014

UDK – 94(470.64)084.3
BBK – 63.3(2P.K-Б)61–28
Zh – 31

Passed for printing by the decision of the academic council
of the Institute of Humanitarian Researches of KBSC
of the Russian Academy of Sciences

Reviewers:

The candidate of historical sciences *Z.A. Kozhev*

The candidate of historical sciences *T.Kh. Aloe*

Zhansitov O.A. Interclass relations in Kabarda in a context of revolutionary processes. – Nalchik: Publishing department of the Institute of Humanitarian Researches of KBSC of the Russian Academy of Sciences, 2014. – 67 p.

Revolutionary processes and civil war in Kabarda have been considered till now as an opposition of ideologies and sociopolitical systems. In this research the attention is accented on the class determined motives of participation of various social groups of the kabardian society in events of 1917–1920 years. This problem was solved by the retrospective analysis of the dynamics in interclass relations in Kabarda in the last third of the 19th and the beginning of the 20th centuries, and that was based on archival, memoirs, folklore sources and the literature. This research is intended for scientific workers and a wide range of readers.

ISBN 978-5-901497-79-1

© Zhansitov O.A., 2014
© KBIHR RAS, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Установление советской власти в Кабарде в отличие от соседних округов сопровождалось ярко выраженным межсословным конфликтом. На эту особенность обратили внимание современники – участники гражданской войны, представляющие противоборствующие лагеря. Известный борец за советскую власть на Кавказе Н. Гикало в своем выступлении на одной из региональных партийных конференций 1925 г. отметил следующее: «...Кабарда как раз оказывается тем народом, где феодализм принял достаточно большие формы. ...Кабардинский народ восстал и особенно уже в 20-е г. почти поголовно вырезал князей... Это говорит о том, что в Кабарде пошла другая борьба, пошла борьба против феодализма, против князей... И борьба в Кабарде отличается от борьбы среди других горцев тем, что она жесточайшая, глубочайшая борьба. Революция достаточно сильно показала, что рабочий класс, наша красная армия были исключительно тяжеловесными по своим ударам, но кабардинцы в этом отношении, по-видимому, и нас русских превзошли, потому что нам даже, в свое время, приходилось, давая директивы кабардинским товарищам, говорить: пожалуйте, пожалуйте кого-нибудь из кабардинских князей...»¹. Руководитель белого движения на юге России А. Деникин в своих мемуарах также обратил внимание на сословную составляющую гражданского противостояния в Нальчикском округе: «Большая Кабарда... выставила против большевиков отряд сначала в две сотни, потом разросшийся до бригады конницы под начальством ротмистра Серебрякова (Заурбека Даутокова-Серебрякова – О.Ж.) – представителя кабардинских узденей (дворянства). В то же время представитель «кабардинского пролетариата» *пастух* (курсив наш – О.Ж.) Катханов на советские

средства сформировал отряд из кабардинцев-большевиков, понесший вскоре поражение в бою с Серебряковым»².

Почему в крестьянской среде, аристократически ориентированной*, стали возможны (пусть и не без участия большевистских агитаторов) дворянофобские настроения, приведшие к социальной мести и насилию? Каким образом кабардинская аристократия, численно и в определенной мере качественно истощившаяся в Кавказской войне, лишившаяся зависимого населения и возможности в прежних формах и объемах поддерживать свой высокий статус сумела сохранить сословную идентичность, социальные барьеры с крестьянским миром и уже в ходе революции выступить мощным раздражителем для последнего, организовавшись в дворянскую оппозицию большевистскому режиму?

* «Надо сказать, – писал К. Чхеидзе, – что кабардинцы, в целом, – аристократия Северного Кавказа». Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 53.

«Кабардинский крестьянин, – пишет З. Кожев, – считал себя оскорбленным, когда его называли тлхукотлем, хотя и принадлежал к этой категории, тогда как любой шапсуг, абадзех и даже бжедуг или темиргоевец, принадлежащий к этому сословию, с гордостью бы назвал себя тлхукотлем, так как во всех провинциях Черкесии этим термином обозначалось архаически свободное крестьянство, которое в Кабарде в течение XVI–XVIII вв. оказалось закрепощено. Элитарный дух, пронизывающий всю вертикаль кабардинского общества, настолько подавил представления о возможности полноценного социального статуса вне дворянского сословия, что даже наиболее богатая и влиятельная верхушка зависимых сословий предпочитала именовать себя «крестьянский витязь» – лъхуыкъуэшъауэ, претендуя тем самым на благородный образ жизни». Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 397–398.

ГЛАВА 1

Кабардинская знать накануне революции: отголоски былого могущества

§ 1. Утрата военно-управленческих функций, разорение

Проявившаяся в условиях революционных потрясений (и спровоцированная ими) конфронтация между кабардинской знатью и простонародьем, стала возможной вследствие бытования в Кабарде вполне оформившихся феодальных отношений, разделявших общество на «благородных» и «неблагородных», зависимых и свободных, со сложной многоступенчатой иерархической социальной структурой. Элементы этой структуры, хотя уже и не наполненные прежним содержанием, сохранились вплоть до установления советской власти, что и зафиксировал в своих мемуарах борющийся с этой властью К. Чхеидзе: «Кабардинцы в социальном отношении делятся на: 1 – князья, их не много, пять-шесть фамилий: Атажукины, Эльбездуковы, Мисостовы, Карамурзины (вымирают), Наурузовы, Докшукины (вымирают); 2 – высшее дворянство, три фамилии: Куденетовы, Анзоровы и Тамбиевы; 3 – обыкновенное дворянство – кабардей-ворки, их вместе с двумя первыми разрядами до 25 % населения; 4 – вольный народ и бывшие вольноотпущенники; 5 – народ просто, бывшие раньше в рабстве»³.

К началу революции Кабарда, завоеванная в ходе Кавказской войны, многие десятилетия находилась в составе Российской империи. Это привело к деформации традиционных общественных институтов, упадку политического и экономического могущества высших сословий и соответственно их авторитета в народе.

К. Сталь еще в очерке о черкесах, относящемся к 40-м годам XIX в., проследил изменения в восприятии знати подвластным населением: «Народ, потеряв свою независимость и видя, что пристав наш (русский – О.Ж.) имеет больше силы, чем их князь, перестает уважать своего князя, и нередко в народе доходят до толков на сходках: нужен ли князь тому народу, который покорился нашему правительству? Нужно ли сохранить князю те выгоды, которые народ предоставлял князю доселе? Нет сомнения, что успехи нашего оружия на Кавказе совершенно поколебали у черкесов власть князей и веру в них»⁴.

Военное дело давало возможность дворянину прославиться, но в то же время он выступал в роли защитника народа, рисковал быть покалеченным или убитым. Такие риски были престижны, и предполагали компенсацию, которая выражалась в почтении и услужении со стороны огражденного от них крестьянина. Теперь же «благородные» в лице князей и дворянских дружин, покорившись русскому оружию, показали несостоятельность в своей профессиональной сфере – войне и, тем самым, поставили под сомнение обоснованность своего привилегированного положения. Разумеется, находившийся на вершине сословной иерархии князь уже не мог созывать советы, покровительствовать подчиненным или же наказывать их, собирать ополчения дворян. В последних, как в военной силе, также отпала необходимость, что предопределило незавидную участь для благородных мужей – переход, а для некоторых, возвращение к крестьянскому труду.

Более того, в отношениях знати с простонародьем появился новый субъект, с правом решающего голоса, к которому можно было апеллировать – русская администрация. «Вследствие отсутствия в районе Терека до прихода русских каких-либо зачатков государственности (что весьма сомнительно – О.Ж.), – писал дореволюционный общественный деятель Б. Шаханов, – некоторые дворянские роды были полными хозяевами своего положения, никому не подчинялись и за своих подвластных и холопов были в ответе перед одним разве Богом; с утверждением в крае русских порядков... власть перешла к приставам, и пристав, поручик или капитан, стал значить больше чем десяток князей, как бы богаты и родовиты они не были»⁵.

Имперская администрация, сосредоточив в своих руках военно-управленческие и судебные функции, которые прежде находились в компетенции высших сословий Кабарды, подорвала их положение суверенных правителей и низвела до роли посредников и трансляторов своей воли. «Если по каким-либо причинам, – отмечает В. Кажаров, – пши-уорки оказывались неспособными отправлять функции военной защиты, суда и управления, то это превращало их в глазах остальной части общества в паразитирующий класс. Тогда и освещенные веками повинности воспринимались крестьянами как насилие, что, в конечном счете, приводило к дисфункции сословно-классовых отношений»⁶.

Из повседневности кабардинцев исчезали эпизоды, содержащие элементы социального символизма. К примеру, во время проведения полевых работ, изящно экипированная конная дворянская группа, расположившись особняком, оберегает и контролирует работающих в поте лица крестьян. В этом действе, вызванном к жизни практическими соображениями, (обеспечение безопасности в случае военной угрозы) в то же время проявлялись престижность профессиональных функций одних и малопривлекательность – других. Дворянин буквально свысока смотрел на крестьянина. Теперь же, в условиях русской администрации, последний не нуждался в таком титулованном сопровождении своего труда.

Упадок могущества кабардинской аристократии сказался также и на формах отступления от традиционных моральных и правовых норм. В любую эпоху в знатной среде встречались отрицательные персонажи, дискредитировавшие свой статус. Однако если раньше эта дискредитация выражалась в чрезмерном применении силы, коварстве в устранении противника, грубости, превышении статусных полномочий*, что считалось

* В. Кудашев в своих «Сведениях о кабардинском народе» приводит известный фольклорный сюжет о князях Тохтамышевых: «Всякий верховой кабардинец (адыгэ-шу), при встрече в поле с пши, обязан вернуться назад и сопровождать его до тех пор, пока не будет им отпущен (Пшыдэгъгазэ – О.Ж.). В прежнее время пши были очень требовательны к соблюдению этого обычая. Требования их иногда отличались чрезмерностью. Пши заставляли, например, тяжело нагруженные арбы, при встречи с ними, возвращаться назад, и сопровождать их на далекое расстояние. Рассказывают, что особой чрезмерностью по соблюдению адыге-хабзе отличались князья Тохтамышевы. Они так успели раздражить кабардинский народ, что тот общественным приговором лишил даже их княжеского достоинства». Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 148.

неприличным для дворянина, то в рассматриваемое время она стала проявляться, помимо прочего, в мелочных, мещанских проступках. То есть, состав, степень тяжести и масштаб деяния выступали одной из форм социального символизма: бывают деяния, проступки «приличествующие» дворянину, а бывают и «мелкие» для него, характерные более в крестьянской среде. В условиях господства российской администрации, не было уже возможностей для совершения «престижных злодеяний» и склонные к ним натуры из числа знати вынуждены были довольствоваться отныне «мелкими пакостями»*.

В криминальной хронике тех лет не часто, но все же встречаются дела по обвинению дворян, например, в попытке проникновения в чужой дом с целью кражи⁷. А как известно, в отличие от кражи, допустим скота, совершенной далеко за пределами родного селения, что являлось элементом наезднической дворянской культуры, кража в собственном обществе и, тем более, в доме считалась постыдным деянием. Или вот еще такой случай. Во время застолья некий Махмуд К. из простонародья попросил первостепенного дворянина Хатокшоко К. для лучшей сохранности попридержать свои деньги – тридцать два рубля. Однако после застолья последний, под разными предложениями, отказался возвращать доверенное ему на время, что и послужило причиной возбуждения дела в отношении высокой особы⁸.

В прежние времена присвоить чужое добро дворянин мог силой, опираясь на свой авторитет и власть. Здесь же обнаруживаются аферистические наклонности, свидетельствующие о неспособности, действовать прямо, уверенно, открыто как и подобает знатному человеку в любом, пусть даже неприглядном деле.

* Установление российской администрации отразилось и на образе жизни дагестанских мужских союзов, о чем писал Ю.Ю. Карпов: «Предыдущие поколения горцев были овеяны ореолом славы победителей грозного НаDIR-шаха, зато отцы подросших джигитов, шансы которых прославиться сильно ограничило присутствие русской власти и войск, оказались на грани потерянного поколения. Если испокон веков, проводя недели и месяцы в мужских домах, горцы зрелого возраста и юноши тренировали силу, физическую выносливость и военно-спортивное мастерство, чередуя или совмещая подобные занятия с коллективными пирушками, а по завершении сборов отправлялись в походы (которые имели сезонную регламентацию), то в изменившихся условиях походы ставились под запрет внешней силой, а при нарушении такового каралось, и весьма жестоко, все население. Для «джигитов» оставались пирушки, перерождавшиеся в бытовое пьянство». Карпов Ю.Ю. Особенности социально-политической жизни горских обществ Дагестана в начале XIX в. в контексте проблематики Кавказской войны // Материалы круглого стола «Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления». Нальчик, 2014. С. 47.

Впрочем, в документальных источниках конца XIX – начала XX вв., все же зафиксированы случаи, когда кабардинские князья и дворяне, по инерции полагая себя полновластными владельцами, как и их предки, открыто присваивали имущество своих бывших крестьян. Не крали, а именно присваивали. К примеру, так поступил князь Наурузов, явившийся в дом крестьянина Абазова и забравший у него гончую собаку⁹ (видимо, чтобы поучаствовать в охоте – непременно элементе аристократического досуга). Однако когда на князя по обращению пострадавшего крестьянина завели судебное дело, он, возможно, вспомнил о реальных границах своей власти, ограниченной российской администрацией.

Отмена крепостного права в Кабарде лишила аристократию еще одного атрибута знатности, такого как владение «холопами». Во-первых, это было престижно, во-вторых, позволяло, отгородившись от материальных и бытовых забот, вести аристократический образ жизни, в который физический труд никак не вписывался. Неудивительно, что проведение крестьянской реформы вызвало негативную реакцию в дворянской среде. В 1867 г. около 200 знатных владельцев, добиваясь отмены реформы или же эмиграции с подвластным населением в Турцию, спровоцировали волнения по всей Кабарде, которые закончились вмешательством царской администрации, прибегшей к арестам и значительным штрафам.

С. Давидович, путешествовавший в середине 80-х г. XIX в. по Кабарде передал настроение оставшегося без зависимых крестьян дворянина: «Старик Барак (Барак Конов – О.Ж.) до сих пор не может помириться с освобождением своих крестьян и жалобы на эту тему – его любимый разговор: «Император Александр добрый был человек, да слабый. Нас, дворян, обидел, холопей отнял! Ведь он этим с нас последнюю рубашку снял. Как мы можем жить без холопей! Ведь мы не привыкли сами работать! Хотел было я бросить все и в Турцию выселиться. Говорят, впрочем, что в Турции теперь уже нет холопей. Правда ли это?»¹⁰.

Становление новых (капиталистических) форм организации экономики негативно сказалось на благосостоянии многих представителей высших сословий. Если в условиях феодальной системы хозяйствования надо было повелевать, то теперь приходилось управлять, считать, торговать, физически трудиться,

то есть, проявлять предприимчивость и усердие не в привычном военном деле, а в хозяйственной сфере, что было уделом крестьян.

Не все смогли преодолеть сословные предрассудки, внутренне перестроиться и приспособиться к новым реалиям. Многие предпочли провести остаток дней в «престижном бездействии», нежели быть уличенными в неподобающих для своего статуса занятиях. Показателен в этом отношении пример с князем Мисостовым, который «под конец своей жизни впал в крайнюю бедность; не имея ни одного холопа, дошел до того, что по недостатку дров по дням сидел в холодной сакле зимою и не имел горячей пищи, ночью украдкой от соседей, ходил он за дровами, а целые дни просиживал, ничего не делая»¹¹. Очевидцы рассказывали, что «многие княжеские и дворянские семьи перед революцией разорились и влачили жалкое существование, гнушаясь заниматься черным трудом; так князя Атажукины не были богаче, чем обыкновенные зажиточные крестьяне»¹².

Насколько проблемным, в первую очередь, ментально для знати был переход к физическому труду и предпринимательской деятельности видно из текста «Воззвания черкесского общества взаимопомощи» (1908 г.). Его деятели, обеспокоенные материальным положением проживающих в Турции многочисленных соотечественников, пытались подвигнуть их к активному улучшению своего благосостояния. «Воззвание...», навязывавшее мораль, далекую от аристократических ценностей и больше подходившую для купеческого цеха, адресовалось, прежде всего, представителям высших сословий, как наиболее равнодушным к этому делу членам общества. «...Великий Аллах отворачивается от людей, не любящих трудиться и ленивых. И уважаемые господа не считали для себя зазорным заниматься торговлей. Действительно, из всех условий, обеспечивающих комфорт и счастье в жизни, богатство является определяющим. Особенно твердо знайте, что необходимость трудиться, свойственна не только поденщикам, называемым рабочими, категории бедных, но и всем людям, к какому бы сословию они не относились, и самым богатым, и аристократам. ...Категорически необходимо, чтобы и господа лично трудились и принимали реальное участие во всех делах. Труд не может считаться зазорным...»¹³.

Многие привилегированные особы Кабарды, не сумевшие занять более или менее соответствующее их статусу место в русской администрации, или грамотно распорядиться собственностью, были поставлены перед выбором: гордое голодное прозябание, как в случае с князем Мисостовым, или же комфортное существование, достигнутое «зазорными» для аристократа средствами. Однако оба варианта предполагали имиджевые потери: и обездоленный дворянин и дворянин у плуга дискредитировали это звание в глазах крестьян. Последние же, в лице своих отдельных представителей, не будучи обремененными предрассудками относительно физического труда как такового, довольно успешно включились в товарно-денежные отношения, разбогатели и уже не без пафоса взирали на своих бывших господ.

Материальный достаток для знатного кабардинца в отличие от простолюдина являлся, помимо прочего, возможностью быть щедрым или даже расточительным, что являлось важной приметой аристократа: «чтобы исполнять уоркские обычаи, надо быть состоятельным человеком»¹⁴. В одной из повестей Каламбий, говоря о своем отце, указывает на эту особенность: «Покойный отец, придерживаясь рыцарского правила, не оставил мне завидного состояния; и я его не виню: взамен богатства он оставил имя отважного наездника, – имя, перед которым благоговеет каждый, кто владеет винтовкой и правит конем. Недаром же говорил отец в редкие минуты сердечных излиятий: «Сын мой, много прожил я в этом суетном мире, много всякого добра нажил, но тебе ничего не оставляю; *все, что добыл я своими трудами, пошло по чужим рукам* (курсив наш – О.Ж.), но всякий про твоего отца скажет: «жил он, как настоящий черкес, и бог дал ему небесное царство»¹⁵. Кабардинский дворянин Асламбек Даутоков-Серебряков, имевший до революции хутор недалеко от Моздока, славился своим хлебосольством: «Случалось, что мимо его владений должна проходить свадебная процессия незнакомых людей. Тогда на дорогах располагались заставы, которым вменялось в обязанность свернуть свадьбу на гостеприимный хутор. Никакие отговорки во внимание не принимались»¹⁶.

Разорившаяся часть дворянства испытывала определенный психологический дискомфорт, не имея возможности достойно

принять гостя, одарить товарища, помочь нуждающемуся. Русский офицер Торнау, оказавшийся в доме у знатного кабардинца Асланбека Тамбиева, описал поведение последнего во время совместной трапезы: «Аслан-бек церемонился, долго отказывался садиться за стол вместе со мною и беспрестанно извинялся в том, что не может угостить меня лучше, сделавшись бедняком благодаря русским, отнявшим у него крестьян, стада, табуны и все прочее имущество»¹⁷.

Пребывание в бедности вызывало все же меньше дискомфорта, нежели преодоление ее нетрадиционными для дворянина методами. В. Кудашев, рассматривая вопросы развития торговли, ремесел и земледелия в Кабарде отметил следующее: «Все эти отрасли народной деятельности находятся в руках не высших, а низших сословий. Высшие сословия до того рутинны и до того равнодушны к какому бы то ни было преуспеянию, что образ жизни их (пища, одежда, оружие и проч.) в продолжении 50-ти лет, т.е. со времени занятия (центра – О.Ж.) Кабарды генералом Ермоловым не потерпели ни малейшего изменения к лучшему. Несмотря ни на какие старания правительства, сословия эти упорно живут по адату, не зная семьи и стыдясь честного заработка. Все обращения правительства к этим сословиям по части улучшения их хозяйства остались тщетными, и такие предметы, как почин разведения пшеницы, разного рода овощей, устройство русских мельниц принадлежат азатам, которые, конечно, не останутся на достигнутом и пойдут далее»¹⁸.

Еще одним шагом к оттеснению высших сословий с доминирующих позиций стало участие крестьян в управленческой деятельности. Газета Терские ведомости за 1891 г. сообщала, что «...некоторые отдельные общинники, бывшие холопы и крепостные достигают не только материально независимого положения, но и становятся во главе всей общины (по выбору)»¹⁹. Представители крестьянства нередко стали занимать должности сельских старшин. Они также составляли большинство на заседаниях Съезда доверенных Кабарды – органе, ведавшем по большей части хозяйственными вопросами.

Насколько негативной в аристократической среде была реакция на выдвижение представителей крестьянства на руководящие должности можно увидеть, приведя в пример случай,

произошедший в селении Атажукино: «Когда общество избрало в старшины некоего Долова – «холопа» Кармовых, – пишет очевидец, – нужно было видеть то бешенство, которое охватило здешнее дворянство при этой вести. Полетели гонцы дворянства к начальству с жалобой о невиданном случае: холопа избрали... в старшины!»²⁰.

Таким образом, установление российской администрации в Кабарде явилось грубым вмешательством в традиционную систему межсословных отношений, и обернулось для аристократии ощутимой потерей статусных прав и привилегий, необходимостью менять соответствующий рангу образ жизни на менее престижное бытие.

§ 2. Условия и механизмы сохранения сословной идентичности

Благородный мир поблек, осунулся, однако не перестал полагать себя благородным и оставался таковым в глазах непривелегированной части социума. Публицистика и архивные материалы последней трети XIX – начала XX вв. констатируют сохранение высшими сословиями Кабарды особого положения в обществе.

Помощник начальника Кубанской области по управлению горцами в своем рапорте (1868 г.) предостерегал предоставлять кому-либо из «беглых» кабардинцев разрешение вернуться в родные края, так как это «подаст повод и другим кабардинцам просить о переселении их в Большую Кабарду, куда привлекает всех вообще возможность носить оружие, а лиц высших сословий, то выгодное положение, которое занимают еще эти сословия в Кабарде» (курсив наш – О.Ж.)²¹.

В отчете гражданской администрации Терской области по сословному вопросу за 1885 г. делается следующее заключение: «...из вышеприведенных сведений о сословии пши, с достаточной ясностью можно видеть, что в прошлой жизни многих туземных племен Северного Кавказа первенствующее место принадлежало этому сословию. Это первенство в такой степени за ними обеспечено, что и теперь, несмотря на пятидесятилетнее

бездействие кабардинского народа и его вождей, не найдется ни одного туземца, который бы осмелился оспаривать первенство сословия пши, и решился бы принизить ту высоту, на которой оно, видимо, находилось в начале текущего столетия»²².

Б. Шаханов в одной из своих статей (1889 г.) отмечает, что с потерей высшими сословиями «политических прав», их «внутреннее влияние» хоть и ослабло, но всё ещё сохранялось. «... Забыть свое бывшее значение, – пишет автор, – привилегированные классы Кабарды, горских обществ, кумыков не могут, да и теперешняя обстановка не дает им на то никаких оснований. Прошлое народа – его история, столь ярко отразившаяся в эпосе, есть в то же время история нескольких фамилий, и каждая песня, каждый камень аула говорят этим фамилиям об исключительном их положении. ... Даже 30-летнее существование на юридически равных со всеми правах не могли сломить традиций туземного дворянства и заставить раствориться его в народе»²³.

Н. Тульчинский в газетной публикации 1901 г., характеризуя сословные отношения в горских округах Северного Кавказа, отмечал следующее: «С уничтожением крепостного права отношение низших классов к высшим изменилось только в смысле зависимости, а обычаи почтительности, уважения и т.д. остались прежними. По исстари сложившемуся обычаю кабардинец, кумык, осетин оказывают почтение, добровольные услуги узденям и вообще почетным лицам»²⁴.

В составе Российской империи, где вплоть до прихода к власти большевиков общество было организовано по сословному принципу, кабардинская аристократия имела возможность оставаться на плаву и поддерживать иерархический настрой в местном социуме. Начальник поземельного отдела Кавказской администрации П. Гаврилов писал по этому поводу: «Не было необходимости сравнивать все сословия Кабарды, уничтожая фактически существующую раздельность сословий, тем более, что раздельность эта нисколько не противоречит нашему (русскому – О.Ж.) государственному строю»²⁵.

С одной стороны, русская власть в годы покорения Кабарды боролась с противостоящими ей князьями и дворянами, всячески притесняя и ущемляя их в правах и заигрывая при этом с «черным людом». С другой стороны, именно через посредство «замиренной» местной знати, имеющей влияние в

народе и опыт управления оным, легче всего было распространять имперский административный порядок на присоединенных территориях.

Царские чиновники при взаимодействии с привилегированными лицами Кабарды соблюдали соответствующий протокол, что должно было поддерживать в народе их авторитет, в том числе и как представителей новой русской власти. К примеру, к арестованным за бунт против освобождения зависимых крестьян кабардинским владельцам, о чем говорилось выше, была проявлена особая учтивость. В распоряжении главнокомандующего Кавказской армией от 15 февраля 1867 г. указывалось, что «из укрепления Нальчик отправляются важные арестанты из кабардинцев» и предписывалось по пути следования обращаться с ними «кротко и вежливо, как требуют того их звание и чин»²⁶. Уже в 1906 г., арестованного за участие в революционных волнениях в Нальчикском округе князя Измаила Атажукина было приказано «препроводить начальнику Нальчикского гарнизона, для содержания его в особом помещении для привилегированных»²⁷, в то время как остальных бунтовщиков из простого народа без особых церемоний заключили в местной тюрьме.

Будучи широко представленной в административных, общественных, судебных органах, сформированных на территории Нальчикского округа российской властью кабардинская знать сохраняла за собой, пусть и в усеченном виде, управленческие и военные функции. Призвание и предрасположенность к военному делу реализовывались путем службы в русской армии, а также в различных военизированных структурах (стража, кордонные посты) окружной администрации.

Определенной части князей и дворян удалось приспособиться к системе товарно-денежных отношений, стать крупными землевладельцами и коннозаводчиками, широко применяя наемный крестьянский труд, то есть, сохранить какое-то подобие сословно-иерархических отношений в хозяйственной сфере. «Когда же крепостное право в Кабарде рухнуло, – говорится в одном из обзоров «Терских ведомостей» за 1894 г., – помещики сразу очутились без даровой рабочей силы, и принуждены были вести свое хозяйство с помощью наемных рабочих. Сами же они по-прежнему не принимали никакого участия в

ведении своего хозяйства, потому что всякий «черный» труд им не был знаком и, кроме того, работать вместе со своими бывшими холопами они считали за позор»²⁸.

Солидная должность, высокий военный чин, материальный достаток постепенно становились новыми формами выражения привилегированности для высших сословий, отгораживавшими их от крестьянской среды. Менялся и образ жизни знати: военизированный быт уступал место домашнему уюту, тяге к «благам цивилизации».

Особенно наглядно это проявилось в обустройстве жилища. Традиционно, дворянин проводил большую часть жизни в походах, дом ему служил своего рода перевалочной базой, которую в силу политических, военных, хозяйственных причин, периодически переносили вместе со всем аулом на новое место. То есть это не мог быть большой, основательно отстроенный и обставленный всевозможной утварью дом. Выражение «мой дом – моя крепость» нельзя было применить к жилищу кабардинского аристократа. Здесь крепостными стенами служили имя и происхождение хозяина. Его дом, помимо того, что располагался особняком, мало чем отличался от крестьянского. Нередко высокие гости князя, ввиду своей многочисленности, останавливались у его зависимых крестьян, то есть оказывались в привычной для себя обстановке (трудно вообразить такой случай с европейским аристократом).

Поэт С. Нечаев побывавший в 20-х гг. девятнадцатого столетия в одном из кабардинских аулов в районе Пятигорья «не нашел в жилищах подданных большой разницы от господских палат», которые есть «не что иное как продолговатые, выбеленные внутри и снаружи мазанки без потолка, без пола, без рам и без печи»²⁹.

Русские чиновники, занимающиеся сбором сведений по сословному вопросу в Кабарде в 60-х гг. девятнадцатого столетия также обращали внимание на схожесть домашнего быта высших и низших слоев общества: «видя холопа целый день на холоде, дожде и зное, без достаточной от непогоды одежде, видя его даже в доме без пристанища и часто голодного, мы полагаем, что это происходит по отсутствию сострадания к человеческим нуждам; вовсе нет – это простое дело привычки и суровой жизни горцев. Богатая женщина до 35–40 лет ни за что

не наденет на себя шубы в зимние холода... Молодые люди... из богатых семей не имеют у себя другой постели, кроме бурки и другого пристанища в собственном доме, кроме голого пола, отцовской кунацкой и нередко по целым дням не видят они куска хлеба; потребовать же себе еду считается невежественным. Если люди со средствами живут так сурово, то нечего удивляться тем лишениям, которые, по нашим понятиям, достаются на долю горской черни»³⁰.

Простоте быта привилегированных сословий Кабарды удивлялся венгерский путешественник де Бесс: «Вообразите себе холм с ровной площадкой в восемь квадратных футов, а в качестве мебели подобие дивана из двух досок, на которых наброшено немного соломы и будете иметь точное представление о рабочем кабинете князя. Тем не менее, именно здесь он принимает гостей и подвластных». На вызывавший неподдельный интерес у де Бесса вопрос «почему старшины народностей не выделяются более удобными, более просторными жилищами, и не позволяют себе роскоши, соответствующей их положению», он получил пояснение от своего спутника-кабардинского князя: «таковы обычаи существующие у них, и он ни за что не решится нарушить их, чтобы не раздражать узденей и народ»³¹.

Времена изменились, наездническая жизнь уходила в прошлое, воевать было уже не с кем и обороняться не от кого. Все это становилось заботой царской администрации. Дворянину в этих условиях оставалось слезть с коня и поддаться «одомашниванию». Теперь он все больше внимание уделял обустройству своего жилища, в соответствие с новыми стандартами комфорта, задаваемыми новыми соседями – русскими*.

Стоит отметить, что кабардинский аристократ имел возможность гостить в лучших домах Петербурга, Каира, Стамбула

* Более полное представление об этом можно получить, прибегнув к описанию преформенного быта абазин: «В связи с ростом обмена и увеличением общения с казачьим населением изменялась внешняя сторона домашнего быта. Дома из двухкамерных превращались в трехкамерные, стала применяться побелка стен, под крышей появился ранее отсутствовавший потолок. Представители знати, подражая богатым казакам, ставили в доме плиту, отчего старинный очаг, ранее находившийся у внутренней стенки, т.е. той, которая разделяла обе половины дома, переносился к внешней, выходящей на двор стенке; это делалось потому, что в связи с появлением печного отопления очаг стал служить только для приготовления пищи. Изменялось убранство дома, куда стала проникать городская мебель». Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 153.

и т.д., то есть мог сравнить свое скромное жилище с роскошью дворцов заморских вельмож, однако он не стремился им подражать и не комплексовал по этому поводу.

Кавказский наместник П. Потемкин в «Кратком описании...» кабардинцев приводит слова князя Хамурзы Кайтукина, который уверял, что «хижину свою не променяет на лучший и великолепный дом в Европе поскольку «в больших домах стены убраны, но сердце спутано, кажется с домами вместе построенны и мысли и сердце, но мы пользуемся свободным воздухом и я легко переносу хижину свою по всему пространству той земли, где наш народ обращаться властен»³². Упомянутый выше де Бесс также рассказывал о двух черкесах, служивших в императорском конвое в Петербурге, которые говорили, что «тысячу раз предпочли бы великолепию столицы свои родные очаги»³³. Статусность кабардинского аристократа в традиционной системе ценностей менее всего выражалась в материальном измерении. В рамках же российских представлений, отражающих общую для большинства европейских и восточных культур тенденцию, важным выражением знатности являлось жилище*, превосходящее по размерам и богатству отделки жилище простолюдина. Кабардинская знать, попав в российское подданство, так или иначе стала разделять эти представления. Дворянин Барак Конов «с гордостью показывал недостроенный деревянный дом, около которого возились русские плотники» своему гостю из Петербурга. Гость для себя отметил, что «дом не поражал ни красотой, ни размерами, но строился по русскому образцу и в сравнении с другими постройками аула и старым домом владельца действительно казался чуть не дворцом»³⁴.

Новые стандарты в строительстве жилья, конечно, коснулись всех слоев кабардинского общества, особенно разбогатевших крестьян. Но все же именно дома представителей знати стали выделяться на общем фоне. Куважуков Т. 1894 года рождения из селения Карагач, сообщал, что до революции «крестьяне жили в

* «Особую роль в становлении сознания и личности молодого дворянина XVIII в. играло его родовое гнездо. ...Замок был... не только олицетворением социального статуса, символом сословной исключительности и власти, но и специфическим пространством, включавшим в себя как различные элементы комфорта, так и предметы искусства, собрания книг и величественные интерьеры. В этом смысле замок был носителем определенной идеи, живым воплощением истории и славы предков». Юдин Е.Е. Образование и карьера дворянина во Франции и в России во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 144, 145.

саклях, покрытых камышом или соломой, пол в саклях земляной, внутреннего оборудования не было за исключением постельной принадлежности. Из 500–600 дворов селения можно было увидеть 2–3 дома покрытых крышей или железом, которые принадлежали дворянам и помещикам»³⁵.

Уже после революции и установления советской власти в Кабарде дома знати были конфискованы и национализированы. В них размещали сельсоветы, школы, дома культуры и другие организации и учреждения новой власти*, то есть, это были большие и добротнo отстроенные жилища. В одном из них, а именно принадлежащим князю Атажукину, останавливался в бытность свою наместником на Кавказе (1862–1881) великий князь Михаил Николаевич Романов. Вот как его описывают, сопровождавшие царскую особу хроникеры: «Его высочество изволили войти в приготовленный для него дом европейской наружности, под железною кровлею, о трех комнатах. Дом этот, благодаря хлопотам и заботливости некоторых лиц, был убран довольно изящно и имел веселецкий вид. Особенно интересно по своему убранству выглядела одна из комнат – приемная: стены ее были украшены арматурами из старинных воинских доспехов кабардинцев: кольчуг, шишаков, стрел и прочих принадлежностей панцирного убора...»³⁶.

Интерьер домов «европеизирующейся» кабардинской знати помимо традиционных оружия и доспехов постепенно пополнялся непривычными для местного быта предметами. Представление о них можно составить, обратившись к материалам «Комиссии при Правителе Кабарды по выяснению и удовлетворению убытков лиц ограбленных и разоренных большевиками». Вот, к примеру, некоторые из вещей, представленные в иске поданном в Комиссию дворянами Лафишевыми: «столы письменные, буфеты большие, буфет малый, ковры московские, зеркала стоящие, стол обеденный, кресла мягкие, диваны, стулья венские, одеяла шелковые, матрасы, занавески оконные, чашки фарфоровые, тарелки глубокие, тарелки мелкие, супницы фарфоровые, лампы настольные...»³⁷ и еще около пятидесяти наименований.

* К примеру, вполне приемлемым помещением для сельской школы того времени стал дом Т. Коцева. Он состоял из девяти комнат, застекленной веранды, подвала, отапливался четырьмя «голландскими печами» и был крыт железом. Материалы «Комиссии при Правителе Кабарды по выяснению и удовлетворению убытков лиц ограбленных и разоренных большевиками». Нальчик, 2013. С. 74.

В одном из номеров газеты «Терские ведомости» за 1894 г., была размещена публикация, в которой автор подметил изменения в культуре быта высших сословий Кабарды: «...когда на смену старым помещикам появилось новое их поколение, то последнее не могло уже удовлетвориться простой и скромной жизнью своих отцов, у него появились иные потребности и вкусы, на удовлетворение которых, прежде всего, нужны были деньги»³⁸.

В домах кабардинской знати начала XX века можно было также встретить картины, книги, пианино, душевые кабины и ванные комнаты с подачей горячей воды, привычные для современной квартиры уборные и многие другие вещи без которых раньше легко обходились, без особого ущерба для комфорта и гигиены. Теперь же они становились приметой быта кабардинцев, а их разнообразие, высокое качество, и дороговизна выдавали в большинстве случаев знатное происхождение того, кому они принадлежали.

Новым социальным маркером становилась одежда, непривычная в местной среде. Некоторые дворяне по долгу службы щеголяли в мундирах царской армии, женщины примеряли на себя платья европейского типа. Крестьянство же оставалось более консервативным в вопросах моды, да и занимаемая им социальная ниша позволяла обходиться традиционной одеждой.

Русская администрация, сосредоточив в своих руках управленческие и военные функции, доселе исправляемые местной знатью стала выступать авторитетной силой в обществе. Если раньше атрибутивным выражением этой власти была черкеска князя, то теперь последняя стала вытесняться формой русского офицера и чиновника. Дворянин Заурбек Даутоков-Серебряков – лидер антибольшевистского движения в Кабарде, после очередного столкновения с красноармейцами, встретился с почетными представителями признавшего его власть селения. «В этот день, – пишет очевидец тех событий, – Заурбек был одет не по-горски: френч и голубая фуражка с тремя белыми кантами. Заурбек одел русскую форму, считая, что эта форма символ власти, начальствования, и, что для психологии кабардинцев это немаловажно»³⁹.

Таким образом, большое жилище, «нетрадиционные» предметы быта и костюм помимо прямого назначения несли

и символическую нагрузку, являясь для высших сословий, наряду с военной карьерой и должностью, новыми статусными индикаторами.

А как же удавалось выделяться из крестьянской среды дворянам, которые, в силу указанных выше причин, по своему роду деятельности, материальному положению и бытовым условиям органично в нее вписывались? Старожилы селения Аушигер рассказывали об одном дворянине Захохове, (дело было незадолго до революции 1917 г.) который зарабатывал себе на хлеб крестьянским трудом – косил сено⁴⁰. Однако в его исполнении это рутинное занятие приобретало особое мастерство и изящество, изумлявшее опытных косарей-крестьян. Элегантно укладывая очередной стог сена, он порой приговаривал: «уэркъ лэжьыгъэ» (дворянская работа), имея ввиду, что к чему бы не прикоснулся дворянин, будет выполнено на порядок лучше. В народе говорили: «Пши и уорки всегда делали любое дело так, чтобы о них сказали – «да, это уорки»⁴¹.

Б. Бгажноков, исследуя образ жизни адыгской феодальной знати, отмечал следующее: «...Не только в этикете, но и во многих других сферах жизни создаются структуры, повторяющие общенародные культурные традиции, но всегда в несколько ином обрамлении и представлении – в виде знаков особого или высокого качества. Отсюда такие понятия как «уэркъ къафэ – уоркский танец», «уэркъ шы тесыкIэ – уоркский способ держаться в седле», «уэркъ пыIэ – уоркский головной убор» и т.п.»⁴². В эпоху феодализма в арсенале дворян, являвшихся поголовно воинами-рыцарями не мог иметь место такой элемент противопоставления крестьянской культуре как искусное владение косой или плугом. Теперь же, когда в дворянине как в воине-защитнике отпала необходимость, и он был вынужден заниматься несвойственным ему физическим трудом, желание выделиться, подчеркнуть свою исключительность реализовывалось путем достижения более качественных показателей в этой пусть и не престижной сфере.

Конечно, окрестынявшись, дворянин испытывал определенный дискомфорт, но при этом позиционировал и проявлял себя как выходец из знатного сословия и в душе надеялся вернуть соответствующее своему происхождению положение в обществе. В одном из рассказов Кази Атажукина встречается такой персонаж – обедневший дворянин. Принимая от более

состоятельного родственника помощь в виде холопской семьи, служанки и лошади с оружием он услышал в свой адрес такие слова: «после смерти отца моего, ты остался старшим в роде; в знании обычаев и в умении вести себя, как подобает узденю, никто, конечно, не опередит тебя; но недостаточность средств вынуждает тебя чуждаться общества равных тебе по происхождению и приковывает тебя исключительно к плугу»⁴³. В схожих обстоятельствах оказался и один из героев произведений Каламбия – Ильяс, который «по рождению принадлежал к дворянскому сословию. В молодости он находился по очереди при дворе нескольких князей в качестве спутника и присмотрщика за кунацкой и конюшной. Но женитьба на любимой женщине без всяких средств к существованию вынудила его бросить поводья и взяться за ярмо. После такого подвига Ильяс сравнялся во всем с крестьянами и вольноотпущенниками, работал, как и они, собственными руками для пропитания своей семьи. Но мысль о дворянском происхождении ни на минуту не покидала его. Поставленный на одну доску с холмовниками (крестьянами – О.Ж.), он, однако, бился из всех сил, чтоб отстоять свое дворянское достоинство и заставить окружающих уважать его...»⁴⁴.

Окрестьянивание дворянина проявлялось только в вынужденной смене профессии воина на профессию пахаря. В остальном он оставался носителем дворянской культуры. Его легко было отличить по осанке, внешнему виду, повадкам, речи, по особому рвению в исполнении предписаний этико-правового кодекса «Адыгэ хабзэ»*. «Дистанция между «благородными» и

* Каламбий показал отличия во внешнем облике и повадках между крестьянином и дворянином: «У заседателей холма (крестьян – О.Ж.) свои особенные наклонности, свой образ мыслей, свой взгляд на вещи, свои идеалы, прямо противоположные стремлениям, воззрениям и идеалам кунацкой (т.е. дворян, проводивших время в кунацких – О.Ж.). Даже наружность холмовников отличается каким то отпечатком: у них широкие плечи, короткие толстые шеи, ручищи, похожие на медвежьи лапы, крупные черты лица. О наряде нечего и говорить. Холмовники носят на ногах чувакы, точнее сказать, что-то похожее на русские лапти из сыромятной кожи вверх шерстью. Черкески у них... такого странного покроя, что мешковато облегают их дожде туловища. Газырей в патронниках всегда неполный комплект. Старики вместо кинжалов подвешивают к поясу ножи в красных сафьяновых чехлах. Холмовники – единственное сословие в нашем ауле, которое осмеливается не признавать разных тонкостей этикета... Члены этого сословия ездят на арбах, возятся преимущественно с быками, отчего слышится от них запах скотины; но в то же время они довольно крепко держатся в седле, только их посадка тотчас изобличает, что спина лошади не им предназначена...». Каламбий. Записки черкеса. Нальчик, 1988. С. 184, 185.

«неблагородными», – писал Б. Бгажноков, – не исчезла. Уорки и князья стремились поддержать ее если не одеждой, то хороши-ми манерами, если не богатством, то установлением и требова-нием различных форм оказания почета их происхождению»⁴⁵.

Усилия дворян по поддержанию своего привилегирован-ного положения в условиях отсутствия реальных политических и военных рычагов оказались действены во многом благода-ря лояльности (непротивлению этим усилиям) основной части общества – крестьянства. Казалось бы, какой резон свободному, материально обеспеченному крестьянину оказывать всякого рода почести представителю знати, возможно обедневшему и не имеющему прежней власти, сосредоточенной ныне в руках русских чиновников.

Объяснения здесь кроются, прежде всего, в силе привычки и в модели взаимоотношений «верхов» и «низов» в кабар-динском обществе, относительная гармоничность, которой, во многом определяла устойчивость, живучесть этой привычки, а также выступала средством профилактики социальной конфликтности. «Отношения крестьян и уорков, – воспомина-ет житель одного из кабардинских селений, юность которого пришлось на предреволюционные годы, – не характеризова-лись непримиримой враждой. Взаимная терпимость основывалась на знании каждым из них своих прав и обязанностей, то есть на соблюдении адыгэ хабзэ»⁴⁶. Подобную же оценку взаимоотношениям «крестьян и уорков» дает и К. Чхеидзе: «Между этими слоями населения вражды не было. Закон и обычай почитался всеми»⁴⁷.

Кабардинский крестьянин, внутренние психологические установки которого отставали в своей рефлексии на изменяю-щийся социально-политический контекст, по инерции про-должал оказывать дворянину соответствующие почести, хотя уже не был связан с ним отношениями личного господства и подчинения. Русское начальство в Кабарде времен Ермолова, обращало внимание на то обстоятельство, что освобожденные им из под власти непокорных России князей и дворян холопы «сами добровольно уплачивали наследникам своих прежних владельцев за себя выкуп и только со внесением этого добро-вольного выкупа считали они себя вполне свободными»⁴⁸. Сами кабардинские владельцы следующим образом высказывались

по этому поводу: «между нами принят один вид освобождения – выкуп. Выкупившиеся холопы получают название вольноотпущенников с свойственными их сословию правами, и хотя они нам ничем вещественно не обязаны, но все они остаются в добрых с нами отношениях, (курсив наш – О.Ж.) всякий же другой вид свободы, получаемый холопом, имеет те последствия, что освободившиеся люди надолго чувствуют к себе нерасположение общества»⁴⁹. То есть крестьянин получивший вольность без согласия владельца ощущал себя и признавался нарушителем не только конкретных правовых норм, но и моральных принципов, на которых строились взаимоотношения членов социума вообще и его иерархических страт в частности. «С точки зрения царской администрации, – замечает С. Мафедзев, – это было наивностью, неграмотностью, проявлением рабской психологии, а по представлениям крестьянина адыга, вышедшего на свободу – воспитанностью, проявлением чести и достоинства»⁵⁰. «Крестьянин, который в строгом соответствии с обычным правом, – пишет Б. Бгажников, – снабжал феодала определенной частью произведенного продукта, воспринимал все это не только как исполнение правовых норм и обязательств, но и дополнительно к этому, а иногда и по преимуществу, как проявление адыгства, человечности, почтительности, то есть как исполнение морального долга перед феодалом»⁵¹. Такое восприятие достаточно прочно укоренилось в сознании крестьянина и еще долгое время сказывалось на его отношении уже к бывшему господину.

Житель селения Старый Урух Х. Хачетлов 1876 года рождения рассказывал о жизни прежних владельцев села: «когда Анзоровым было что-то нужно, они прямо говорили своим бывшим крепостным, и те не привыкнув к тому, что уже не крепостные (курсив наш – О.Ж.) все делали без разговоров»⁵². В рассказе Каламбия «На холме» описывается крестьянин Исмель. Он был отпущен со своим семейством на волю, при этом, как и полагается, оставив все свое движимое и недвижимое имущество господину. За три года непосильного труда Исмель обзавелся хозяйством и стал зажиточным человеком в ауле. «Как бывший холоп, Исмель не любит дворянского сословия и избегает всякого сближения с ним; но прежний господин его, в скором времени спустивший отобранное у него имущество, нашел в

нем покровителя и благодетеля. Исмель ежегодно уделяет ему часть своего проса, а во время жертвоприношения посылает к нему и к жене его по хорошей овце. Сверх этого определенно-го жалования семейство обнищавшего джигита беспрестанно прибегает к помощи Исмелевой хозяйки и получает от нее, хотя и не без некоторого ворчания старушки, все нужное для дневного пропитания...»⁵³. То есть, смена статуса зависимого на статус свободного крестьянина не послужила поводом для Исмееля перестать выполнять натуральные повинности (но уже в виде пожертвований) в отношении бывшего господина. И если дворянам Анзоровым приходилось просить своих в недавнем прошлом крепостных о всякого рода услугах, то Исмель действовал без предварительных просьб.

Учтивость крестьянина к бывшему господину являлась следствием того, что, будучи закрепощенным, он не испытывал морального угнетения. «Крепостное право в Кабарде было не так сурово как в других местах, – отмечалось в газете «Народная власть» за 1918 г., – сравнительная легкость крепостного ига в Кабарде объясняется мягкостью национального характера»⁵⁴. В этом важную роль играло также господство в коммуникативной культуре народа принципа уважения к личности как таковой, в независимости от ее социального статуса (речь идет, разумеется, о норме, что подразумевает наличие всякого рода исключений).

На эту особенность обратил внимание Каламбий: «...Господин имеет полное право, когда вздумается, выхватить кинжал и всадить его в грудь дерзкого холопа: никто не потребует за это отчета. Если бы я родился рабом, то не колеблясь предпочел бы этот способ расправы, систематическому попиранию ногами моего человеческого достоинства, хотя бы оно сопровождалось громким титулом уважения к личности и тому подобными выпендренными словами, которым суждено, кажется, вечно оставаться лишь на языке, не обуздывая рук и не проникая в души. Я сам, несмотря на то, что дышал довольно долго европейским воздухом, следовательно, нахватал бездну гуманных идей, научился истинному уважению к человеку только здесь, в ауле. Когда говорю со своими крестьянами, я беру обыкновенно тоном ниже против того, как говорил, живя в России, со своим денщиком»⁵⁵.

Как известно в Кабарде крепостными владели не только представители высших сословий, но и крестьяне. Однако быть в холопстве у дворянина, допустим почитаемого в народе за отважного наездника, было престижней и психологически приемлемей, чем у такого же, как и сам ничем неприметного крестьянина. Последний, имея определенные комплексы по поводу своего приниженного социального положения, испытывал некое воодушевление от того, что сам владеет холопами и поэтому может повелевать, властвовать, играть в барина. К тому же, озабоченный бытом, стремлением улучшить свое материальное положение крестьянин-помещик выжимал последние соки из крестьянина-холопа. Дворянин же, для которого владение зависимым людом являлось привычным, естественным состоянием, спокойней относился к своему статусу владельца.

Владение холопом предполагало не только осуществление прав, но и исполнение по отношению к нему определенных обязанностей: обеспечение работой и средствами производства, защита его интересов как члена общества и вообще как человека. Дворянин как знаток и блюститель обычаев старался придерживаться регламента в отношениях господства и подчинения, что было важным для подвластного человека, и чего он часто не встречал со стороны крестьянина-владельца. В 1858 г. на имя начальника кабардинского округа князя Орбелиани поступило прошение от холопа Бека Макулова, в котором, в частности, указывалось: «В 1852 г. владелец мой уздень Магомет Хатухов, отправляясь в Мекку, по неимению денег на путевое довольствие вынужден был продать семейство холопей, избрав покупателя вольноотпущенника Алегуко Макулова, но мы, зная, что вольные кабардинцы не исполняют законных обрядов с холопьями (курсив наш – О.Ж.), поэтому и не согласились поступать к нему в холопство. Но Макулов сделал условие при депутатах от черного народа, что он будет исполнять все обряды, которые относятся к холопам, и, в случае, если он сделает притеснение, тогда предоставит мне право избрать другого покупателя. Пожив у него несколько времени, господин Макулов не исполняя данное условие, до того меня с семейством стеснил, что даже и посеянное мною просо отобрал»⁵⁶.

Как сильная натура дворянин был способен на снисхождение, великодушие в отношении холопа, в котором не видел конкурента своей знатности. Будучи малообремененным материальными заботами, он находил время на думы о возвышенном, вечном и для «спасения души» по случаю очередного мусульманского праздника мог освободить своего крестьянина.

Повседневность дворянина не была отгорожена от простонародья «высоким забором», напротив, он оставался всегда на виду и жил с оглядкой не только на мнение равных себе по статусу, но старался выглядеть достойно даже в глазах своих крестьян: «если уорк не оказал услугу, – говорили они, – его не считают уорком, поэтому он боится общественного мнения»⁵⁷. Незадолго до революции крестьянин Ислам Куршев попросил одного влиятельного дворянина, с которым, к тому же, находился в ссоре, помочь освободить сына, арестованного за какой-то проступок в соседней станице. И просьба была удовлетворена⁵⁸.

Для кабардинского крестьянина дворянин это не только социальная категория – лицо с превосходящим статусом, господин, но и моральная – человек, задающий и демонстрирующий высокие эстетические и этические стандарты (на которые ориентировались и крестьяне), сохраняющий культурную традицию. В народе считалось, что «самый бедный уорк был готов умереть на месте за адыгэ хабзэ»⁵⁹. Арамисов Тазрет, 1899 года рождения из селения Аргудан рассказывал: «наши соседи думали, что у нас больше сохранился адыгэ хабзэ, так как у нас в селе жили пять княжеских фамилий, у них учились многие»⁶⁰. Известный кабардинский джегуако (песнотворец и распорядитель торжеств), живший во второй половине XIX – начале XX вв., пытаясь превознести красоту своей супруги-крестьянки в специально сложенной по этому случаю импровизации, сравнивает ее с дамами из благородных сословий:

«Жанхъоэтхэ я гуацэу ульгэгэщ,
Дохъуощокъуэхэ япхъуу удахэгэщ.

Жанхотовых княгине подобно ты высокая,
Докшочковых дочери подобно ты красивая»⁶¹.

Деликатное отношение к крестьянину адыгский аристократ, возможно, считал естественной универсальной нормой, пока путешествуя по миру не сталкивался с иными, неприемлемыми формами обращения господ с подвластными, после чего ставил эту деликатность себе в заслугу. Нечто подобное произошло с князем Аходягоко, который, увидев как во время веселья оборванный, невзрачный крестьянин танцует с двумя прекрасными девушками дворянского происхождения, воскликнул: «Смотрите на этого молодца. Я был в Константинополе, видел европейцев, но только мы черкесы, люди, там вельможи и богачи – это полубоги, а простолюдины бедные – скоты, которых они презирают, между тем у нас крестьянин, раб или слуга, даже нищий – все тот же человек»⁶².

Известный российский ученый И. Кон в своей работе приводит свидетельства европейских очевидцев о частной жизни представителей высших сословий России, которые демонстрируют пренебрежительное отношение к обслуге. Один из них, Массон пишет: «Некая помещица, путешествуя в карете, велела двум лакеям поддерживать ее за руки, пока она облегчалась в кустах; когда ее французская спутница удивилась такой беззастенчивости, дама ответила: это же мои рабы... я для них не женщина, а они для меня не мужчины». Другой – Жан-Батист Мей, подметив, что «русские знатные дамы, не допускающие ни малейших вольностей в светском разговоре, ходят на пляж в сопровождении лакеев, подающих им полотенце», заключил: «ранг создает такое расстояние, что господин и раб не считают себя принадлежащими к одному и тому же виду»⁶³.

Один из героев произведений А. Чехова, нанявшийся лакеем в дом к петербургскому дворянину так описывает его отношение к себе: «Обыкновенно он не замечал моего присутствия, и когда он говорил со мною, то на лице у него не было иронического выражения (свойственного при общении с другими людьми – О.Ж.), – очевидно не считал меня человеком». Даже гувернантка этого господина выказывала высокомерие: «Она так искренно верила, что я не человек, а нечто стоящее неизмеримо ниже ее, что подобно римским матронам, которые не

* И. Кон замечает, что подобные примеры можно было наблюдать и в Европе: «просто в России крепостное право продержалось значительно дольше, и европейские наблюдатели успели о собственном историческом опыте позабыть».

стыдились купаться в присутствии рабов, при мне иногда ходила в одной сорочке»⁶⁴.

Подобная модель взаимоотношения «верхов» и «низов» была вполне естественной для русского человека, и он, возможно, считал ее характерной и для других социумов. Уже упоминавшийся С. Давидович, находясь в гостях у дворянина Б. Конава, был удивлен демократичности последнего с пришедшими «поглазеть на иностранца» крестьянами: «Каждый входил, ставил косу или грабли в угол, здоровался с помещиком и со мною, подавая нам руку, и затем вступал в общий разговор. Со своим баринном они разговаривали совершенно свободно, как с равным (курсив наш – О.Ж.), хотя не далее как в 1867 году были его крепостными или по местному выражению «холопами»⁶⁵. Для гостя-«иностранца» было странным, что крестьяне, пусть уже не крепостные, в обращении с бывшим господином, имеющим к тому же чин в царской армии, не выказывают должного подобострастия и не заискивают, а бесцеремонно, по его мнению, протягивают руку для приветствия*.

«Наши русские понятия о дворянском и княжеском сословии, о крепостных отношениях сильно отражающие на себе отчасти византийские, отчасти немецкие взгляды, – писал Е. Марков, – в весьма существенных чертах разнились от тех же представлений какого-нибудь грузина или кавказского горца; их невозможно было применять целиком к быту этих народов, вообще гораздо более вольнолюбивых и обеспеченных, гораздо менее утративших, в большинстве случаев, свое личное достоинство и свои имущественные права. Мы, русские крепостного периода, никаким чудом не могли выбиться из родовых категорий мужика и барина, а иногда искусственно создавали их даже там, где для них не было подготовлено подходящей почвы...»⁶⁶.

* Здесь можно провести аналогии с сюжетом из повести Т. Керашева «Абреки». «Однажды в аул прискакал нарочный с извещением, что приезжает пристав. Атаман аула подобострастный служака, засуетился, собрал сход и долго поучал, как надо встречать такого высокого гостя, как отвечать на его приветствия и как кланяться. Последнее труднее всего давалось аульчанам. В обычаях адыгов не существует поклонов. Атаману пришлось не мало повозиться со стариками, прежде чем они усвоили этот новый для них прием учтивости – поклон. А молодежь, как ни старался атаман, не захотела таким образом проявлять свое уважение». Керашев Т. Избранные произведения. Краснодар, 1965. Т. 2. С. 202–203.

Таким образом, потеря политического и экономического влияния в ходе включения в российскую административную систему вынудила аристократию искать пути сохранения своей исключительности и поддержания социальных барьеров. При этом пришлось пересмотреть некоторые представления о границах дозволенного и приличествующего, допустить отклонения от предписаний строгого дворянского кодекса. Непредосудительно стало получать образование, уделять чрезмерное внимание быту и зарабатывать физическим трудом, что сближало с крестьянской средой. Однако это сближение имело свои пределы: происхождение продолжало оставаться для дворянина ключевым фактором в выборе спутницы жизни. Да и сами женщины из привилегированных семей, как выразился один из стариков, опрошенный в ходе этнографической экспедиции по Кабарде 1975 г., «желали выйти замуж только за уорка, если бы он был и кривой и бедный, лишь бы дворянин»⁶⁷.

Принадлежность к знатному роду оставалась актуальной в Кабарде и вплоть до революции во многом определяла положение в обществе.

ГЛАВА 2

Революция в Кабарде: сословный аспект

Если включение Кабарды в состав России обернулось во многих случаях для аристократии ущемлением статусных прав и привилегий, то революция привела к полной их потере. Кроме того, был поставлен вопрос о физическом уничтожении привилегированных сословий, о дискредитации и отказе от дворянской культуры. Вопрос этот начал решаться в ходе революции, и был окончательно решен в период «закрепления ее завоеваний».

§ 1. Провозглашение советской власти и проблемы ее закрепления

После свержения Временного правительства в октябре 1917 г. большевики озаботились вопросами распространения и укрепления своей власти на местах. В начале января 1918 г. они начали борьбу за вовлечение в революционную орбиту народов Терской области. Здесь 4 марта на Пятигорском съезде была провозглашена советская власть. Прежняя администрация стала стремительно разваливаться. Бессилен, в этой ситуации оказался подчинявшийся ей Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет – орган Временного правительства в Кабарде. Сложившуюся здесь в этот момент обстановку описал в своих мемуарах К. Чхеидзе: «...местные власти и общество отдавали себе отчет в неизбежности столкновения с большевизмом.

Начались разрабатываться подходы к решению уже осязаемого конфликта. Были сторонники немедленной вооруженной борьбы. Их позиции укреплялись людьми, уже испытывавшими гнет коммунистического режима. Это были беженцы с областей, где уже установилась советская власть. Группа кабардинской молодежи, главным образом интеллигенция, не служившая в полку или в учреждениях, требовала организации добровольческих отрядов и обороны Кабарды до последних сил. Другая тактика подсказывалась местными социалистами: безболезненное признание советской власти и через участие в выборах вхождение в состав местного совета. Предполагалось (и наивно), что большевики пойдут на коалицию. Управление округа придерживалось неопределенной линии: ни войны, ни мира. В их оправдание надо сказать, что велика была их вера в благородство и дисциплину кабардинского народа... Конечно, Кабарда не имела возможности для отражения советских сил Терской области. И в начале 1918 года, если бы она подняла такую борьбу, то без сомнения осталась бы в одиночестве. Все это вместе взятое привело к осознанию невозможности активной борьбы и временной ее нежелательности»⁶⁸.

21 марта 1918 г. на Окружном народном съезде в Нальчике состоялось провозглашение советской власти. Сразу же стали формироваться управленческие структуры, высшей из которых являлся Нальчикский окружной исполнительный Совет. Сельские правления были заменены сельскими Советами, подчинившиеся четырем окружным комиссариатам.

Та немногочисленная группа политически активных, революционно настроенных кабардинцев из крестьянской среды, руководимая Б. Калмыковым, Х. Бесланевым, З. Мидовым, Т. Ахоховым и др., примкнувшая к терским большевикам и фактически поставленная ими у власти в Нальчикском округе, не имела авторитета и влияния в народе. Поэтому в советских властных и хозяйственных структурах ведущую роль постепенно стали играть представители «буржуазной интеллигенции», являвшиеся в основном выходцами из дворян (т.е. совсем не из «трудового народа»), которые успели проявить себя еще в дореволюционной администрации. Нальчикский окружной народный Совет возглавил юрист Т. Шакманов, комиссаром округа стал Б. Карачаев, который при белых являлся помощником

Правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского по гражданской части. Среди рядовых членов Совета также оказались представители дворянства М-Г. Тамбиев, Б. Трамов, И. Деров, Б. Мамышев, М. Абуков и др. Главным лесничим Кабарды был назначен дворянин К. Шипшев.

Политика, проводившаяся советом Т. Шакманова, имела надсословный характер и не была направлена на удовлетворение интересов кабардинских верхов, как это преподносится в советской историографии. На первый план выдвигалось благополучие всего народа, сохранение которого оказалось под угрозой, в условиях разгоравшейся в Терской области гражданской войны. В августе 1918 г. против советской власти подняли восстание терские казаки. В его подавлении большевики, помимо прочего, надеялись использовать вооруженные формирования кабардинцев. Однако последние не оправдали этих надежд. Военный комиссар Нальчикского округа А. Крутов 12 августа был заменен на бывшего офицера Кабардинского конного полка Т. Хурзанова. Его задачей было отзывать посланных на фронт всадников-кабардинцев, которым предписывалось «соблюдать строгий нейтралитет... для предотвращения гражданской войны»⁶⁹.

Особое внимание уделялось сглаживанию провоцируемых большевиками социальных противоречий внутри Кабарды. Усилия в этом направлении имели результатом образование Духовной комиссии, целью которой было «объединение и примирение мусульман округа». Важным, отвечающим национальным интересам решением, явился инициированный Советом Т. Шакманова возврат кабардинских территорий, отторгнутых большевиками в ходе решения земельного вопроса на Тереке в пользу соседних горских народов. Для защиты проводимого курса – «политики нейтралитета» в сентябре 1918 г. было начато формирование Кабардинского национального полка (500 человек с правом увеличения). Это шло вразрез с планами большевиков по организации в Кабарде революционных отрядов из местного населения, которое теперь привлекалось в национальный полк.

Руководство Нальчикского окружного Совета, признавая советскую власть, в то же время своей деятельностью обособляло Кабарду от Терского революционного лагеря и тем самым ослабляло его в начавшейся гражданской войне.

В этих условиях большевистское руководство Терка, сосредоточенное во Владикавказе пыталось вернуть Нальчикский округ под свой контроль. Решение этой задачи путем явной агрессии (ввод частей красной армии) могло обернуться тем, что провоцируемая революцией социальная конфликтность в Кабарде, уступила бы место межнациональным противоречиям, тем самым, разрушив образ большевиков как поборников национального равноправия так недостававшего народам в Российской империи.

Идеи революции, в этом случае, воспринимались бы, как импортированные, навязанные, не имеющие какой-либо актуальности в кабардинском социуме, но поддержанные лишь русским населением округа. Советский работник Г. Русаков, агитировавший в феврале-марте 1918 г. в кабардинских селениях, констатировал, что там «о большевиках были самые вздорные слухи, вплоть до общих жен, закрытия мечетей, отбирания земель... под большевиками понимали только русских, иногородних»⁷⁰. К. Чхеидзе также указывал на большевиков в Нальчикском округе как на, главным образом, «русских по происхождению» лиц, а также на то, что «среди кабардинцев стопроцентных большевиков не было ни одного»⁷¹.

Сделать революцию востребованной местным населением – такой была задача большевиков в Кабарде. Но здесь в отличие от «русских» губерний не имелось для этого достаточной мотивации. «Каковы бы конкретно ни были условия, из которых складывается общая, основная и вечная причина революций, – писал П. Сорокин, – она всегда состоит в росте «ущемления», главных инстинктов у значительной части общества, в невозможности их минимально-необходимого удовлетворения»⁷².

П. Сорокин показывает, что в России в канун 1917 г. эти инстинкты были значительно ущемлены: «Сильнейшее ущемление инстинктов индивидуального самосохранения у 15–16 миллионов мобилизованных солдат, производимое ужасающей войной, ее смертоносностью, холодом, голодом, окопами, лишениями и т.д. Сильнейшее ущемление инстинктов группового самосохранения у 90 % населения, вызванное неудачами войны, бездарностью власти и даже изменой ее агентов. Сильнейшее ущемление инстинктов пищевых, вызванное расстройством народного хозяйства и ростом голода в городах. Сильнейшее ущемление

«инстинктов свободы» военными положениями, военной цензурой, военными судами, произволом агентов власти. Ущемление рефлексов собственности, вызванное обеднением обширных групп населения в ходе войны. Ущемление «половых рефлексов» населения распутством на верхах и «распутинством»⁷³.

В Кабарде, указанные П. Сорокиным инстинкты «ущемлены» не были. Первая Мировая война для кабардинцев обернулась лишь формированием и отправкой на фронт Конного полка, служба в котором скорее была возможностью проявить инстинкт война, нежели тяжелым бременем. Лишения, ограничения и беды военного времени мало затронули Кабарду. Здесь также не было острого антагонизма между полярными группами социума, о чем говорилось выше и на что обратили внимание, спасавшиеся от большевистской власти беженцы из России, которые считали, что «у Кавказа нет необходимых предпосылок большевизма: вражды между верхами и низами народа, аграрного перенаселения, общей дикости мужицких нравов и пр.»⁷⁴.

Голод и обнищание населения (в данном случае крестьян) также не были характерны для Кабарды. Здесь всегда (за исключением периодов внешней агрессии) жили в относительном достатке и не знали голодных бунтов. В статистическом обзоре Терской области за 1892 г. относительно Кабарды указывалось: «свободные остатки урожая хлебов дают возможность уплатить не только все повинности, но и сберечь более или менее значительные запасы. Если же принять в расчет доходность от скотоводства и других промыслов населения, то нельзя не признать, что экономическое обеспечение кабардинцев, в целом, гораздо больше, чем осетин, ингушей и других народностей Северного Кавказа»⁷⁵. «Нищих в Кабарде почти не было, – вспоминал о периоде своей молодости житель селения Кахун (1894 г.р.), – большинство из них были дагестанцы, которые даже богатели на сборах милостыни в Кабарде»⁷⁶.

Сюда, так же, перебирались и в поисках заработка. Дед известного в области естественных наук профессора А. Микитаева в начале XX века из Дагестана переехал на жительство в Кабарду. «Земля в кабардинских селах была хорошая, семьи относительно зажиточные, и люди были хорошие, принимали в свою среду приезжих ремесленников»⁷⁷ – объясняет мотивы этого переезда ученый.

Советские историки, пытаясь показать тяжелое положение кабардинских крестьян – неперемненное условие революции, отмечали, что многие из них вынуждены были работать по найму, а также покидать родные края в поисках заработка (отходничество)⁷⁸. Но наемный труд это вполне нормальное явление при капитализме и не настолько тягостное – человек, по крайней мере, обеспечен работой. Житель селения Урожайное Т. Шекхачев рассказывал: «часто приезжали из Большой Кабарды набирать людей на работу. Обычно брали на год или на сезон. В батраки нанимали и своих родственников. Одна семья, у которой сдох бык как раз нуждалась. Ее глава работал год у родственников и получил быка»⁷⁹. Что касается отходничества, то его масштабы были не настолько значительны, чтобы говорить о бедственном положении населения Нальчикского округа, грозящем революционными потрясениями*.

Материальное благополучие кабардинского крестьянства, «пищевые инстинкты» которого не были ущемлены, вынуждало большевистских аналитиков строить пессимистические прогнозы относительно перспектив революции в Кабарде: «Здесь нет специального класса наемных рабочих, нет фабричного пролетариата, все население состоит преимущественно из очень хорошо наделенных землей крестьян, занимающихся земледелием и скотоводством... Невоспитанное жизнью в сознании классовых противоречий труда и капитала, мелкобуржуазное по своему имущественному положению кабардинское крестьянство не имеет никакого представления об идеалах коммунизма, по своим политическим интересам оно даже враждебно ему. За отсутствием фабричного пролетариата и пролетаризованной деревенской бедноты, наиболее восприимчивой к пролетарской идеологии, социалистическая революция пока еще не находит здесь твердого оплота, в убежденной и сознательной приверженности большинства населения. Чтобы утвердиться в Кабарде, она должна получить деятельную и властную поддержку извне – от могущественной Советской России. ...Инертность широких слоев населения в деле защиты революции несравненно опасней по своим размерам и по своему значению, чем активная контрреволюционность малочисленных буржуазных групп» (курсив наш – О. Ж.)⁸⁰.

* Сегодня многочисленные трудовые мигранты из Кабардино-Балкарии работают в Москве и других городах России, однако это не дает повода говорить о предреволюционной ситуации в республике.

Несмотря на провозглашение советской власти, революционный дух не проник мгновенно в сознание широких крестьянских масс Кабарды, не наполнил его неприятием к враждебному революции дворянскому миру, не подвиг к разрыву с «религиозными и феодальными пережитками» и к активному участию в социальных преобразованиях. Из речей большевистских агитаторов крестьянин узнавал о Декрете, упраздняющем сословия, о том, что теперь он хозяин жизни. Однако эти известия не могли в одночасье избавить его от иерархического восприятия социальной действительности, заставить ощутить себя равным или даже превосходящим дворянина*. Неожиданно наделенный революцией властью, человек из простонародья испытывал дискомфорт от отсутствия опыта и традиции ее применения, особенно в отношении авторитетов прошлого**.

* «Рабочие и крестьяне, – писал В. Ленин, характеризуя революционную ситуацию в целом по России, – еще робеют, еще не освоились с тем, что они теперь господствующий класс, еще не достаточно решительны. Этих качеств в миллионах людей не мог создать переворот сразу. Но в том и сила, в том-то и жизненность... революции, что она будит эти качества, ломает все старые препоны, рвет обветшалые пути, выводит трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни». Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 199.

** На практике это часто приводило к конфузам, один из которых описал в своих мемуарах К. Чхеидзе. У З. Даутокова-Серебрякова как у дворянина и бывшего царского офицера в Нальчике было реквизировано оружие. На следующий день он отправился в реквизиционный отдел, которым заведовал его в недавнем прошлом подчиненный по Кабардинскому полку, вставший как «социально близкий элемент» на сторону советской власти. «В комнате, на дверях которой было написано «Без доклада не входить» за письменным столом из хорошего ореха сидел Мисост. Заурбек вошел, конечно, без доклада, и Мисост не имел ни минуты времени, чтобы решить, как себя вести, – принимать ли разоруженного представителя контрреволюционного офицерства по-комиссарски? Или, может быть, Мисосту следует встретить старшего согласно обычаю? Или же по-приятельски протянуть ему руку, предложить стул и папиросу? Мисосту не трудно было угадать причину появления Заурбека: ведь только вчера он подписал ордер на реквизицию оружия своего бывшего начальника. Но сейчас перед ним стоял живой Заурбек, тот самый начальник, которого он боялся, который еще недавно имел право предъявить строгие требования и требования в действительности предъявлял... Мисост начал с того, что как-то невольно привстал, потом, озлившись на свой жест, сел и развалился в кресле, но едва его спина облокотилась о спинку кресла, он снова поднялся и недоумевая на самого себя, вытянулся во весь рост. Заурбек понял, что инициатива разговора находится в его руках. Не здороваясь с Мисостом, он протянул ему бумажку, взятую при отобрании оружия: – Сходи, пожалуйста, Мисост, – сказал Заурбек таким тоном, каким говорит начальник подчиненному, к которому относится снисходительно и по-приятельски... «Куда» сходи и «зачем» Заурбек не сказал: ведь это было понятно. Мисост держал перед глазами бумажку с какими-то непонятными ему словами и цифрами. Он никак не мог согласовать требования Исполкома, в котором служил, с требованиями Заурбека, который подчинял его волю своей». Чхеидзе К.А. Страна Прометей. Нальчик, 2004. С. 197, 198.

§ 2. Элитарные амбиции духовенства

Большевики стали осознавать, что привлечь к революционной борьбе сравнительно обеспеченное и неохотно вникающее в «политический момент» кабардинское крестьянство можно, апеллируя к более близкой ему мусульманской идеологии, в которой, как и в учении социалистов содержатся призывы к социальному равенству. Г. Русаков вспоминал по этому поводу: «...во Владикавказе мне С.М. Киров говорил, что нужно, изучая работников, подобрать мусульманина эфендия или муллу, с которым можно было бы объединить на советской платформе бедноту Кабарды. Присутствовавший при нашей беседе тов. Симон Такоев, указал на эфендия Назира Катханова... Я с товарищем написал письмо С.М. Кирову с характеристикой Катханова. Прошло 3–4 недели, и сияющий Катханов нам объявил, что уезжает получать колоссальное назначение во Владикавказ. Дней через 10 мы получили сведения, что Катханов с сотней или больше, преимущественно мулл, движется по Малой Кабарде к Нальчику»⁸¹. 25 сентября 1918 г. отряд Н. Катханова, поддержанный осетинскими и русскими красноармейцами, занял Нальчик. Окружной народный совет под руководством Т. Шакманова был признан контрреволюционным и расформирован.

Духовенство в Кабарде к моменту революции занимало важное место в общественной жизни. Оно играло заметную роль в деятельности сельских администраций. Его представители эфендии и муллы заседали в судах, регистрировали браки и разводы, разбирали дела, регулируемые шариатским правом и т.д. Кроме того, заслугой духовенства являлось становление и развитие исламского просвещения в Кабарде, соединявшее в себе теологические учения со светскими специальностями. Усилиями религиозных просветителей, таких как братья Дымовы, М. Гутов, И. Купов и др. была создана национальная письменность, началось изучение и осмысление прошлого и культуры народа, стали выходить газеты.

К 1915 г. в Кабарде действовало около ста мусульманских школ, в каждой из которых проходило обучение от семи до пятнадцати слушателей (сохст). В совокупности наставники и слушатели (старшее поколение) этих заведений составляли

внушительную, социально активную, сплоченную общими интересами и идеями прослойку кабардинского общества. Именно ее большевики решили сделать локомотивом революции в Нальчикском округе, исходя, прежде всего, из тех соображений, что аудитория мусульманских школ и вообще духовенство были представлены сплошь выходцами из крестьян. То есть, это был «социально близкий элемент», который можно было противопоставить «контрреволюционной» элите, дети которой, к тому же, проявлявшие стремление к образованию, обучались в Нальчикском реальном училище. Порядки, господствовавшие в местных медресе, не соответствовали эстетическим и во многом этическим представлениям дворянской молодежи. В частности они не могли себе позволить собираться с «корытами на шее»⁸² продукты у сельчан, как это делали сохсты, когда в школе кончались съестные припасы. Жительница селения Ероко 1904 года рождения, рассказывала, что во время празднеств, среди собравшейся молодежи можно было встретить сохст, «которые своими учтивыми манерами, старались показать свое отличие от жахиль – неучей, то есть парней, занимающихся черной работой; последние, в свою очередь называли сохст «Пастэщып»* – сборщики еды, что служило причиной частых потасовок»⁸³.

Духовные деятели, постепенно упрочивающие свои позиции в общественной жизни, все же оставались в Кабарде на вторых ролях, в тени аристократии, и по-прежнему уступали ей в негласном соперничестве за господство над умами. Даже в годы Кавказской войны они не оказались, подобно духовенству Чечни и Дагестана, оттеснившим местную знать, во главе народного сопротивления. В Кабарде антиколониальное движение под религиозными знаменами возглавляли сами князья, при этом не отказывавшиеся от своих сословных привилегий и не приводившие социальную организацию народа в соответствие с нормами ислама (хотя и декларировавшие подобный курс). Исповедование ислама с его эгалитарными идеями не мешало кабардинцам оставаться сословно дифференцированным

* «Пастэщып – сбор продуктов питания. Обычай был распространен среди сохст (учеников) религиозных школ. В таких школах обычно учились дети крестьян, и когда у них заканчивались продукты, ученики ходили по аулу и собирали их. Поэтому их в народе прозвали «Пастэщып», т.е. сборщики продуктов питания». Думэн Хь.М. Адыгэхэм я дауэдапщэхэр. Этнографии терминхэм я псалгальгэ. Налшык, 2006.

социумом. Аристократ-мусульманин, не смущаясь владел холопом-мусульманином и последний не опротестовывал свое положение, апеллируя к нормам ислама, не допускающим подобные отношения. Даже сами духовные лица порой выступали в роли владельцев крестьян. Среди последних выделялся известный эфенди Умар Шеретлоков, который, к тому же, являясь бывшим зависимым крестьянином дворянина Магомета Шеретлокова, получив вольность, «хвастливо именовался прозвищем владельца своего, оставя свое прозвание Гогутхова»⁸⁴. Представляясь дворянской фамилией эфенди надеялся добиться большего авторитета в своей пастве, состоящей по большей части из крестьян и поэтому считающейся с мнением знатных особ, говорящих ко всему прочему от имени Бога. Уже после освобождения зависимых крестьян сословные инстинкты по прежнему доминировали над религиозными, что наглядно проявлялось, к примеру, в сфере брачных отношений (сословная эндогамия)*.

Теперь же, в условиях социально-политического кризиса в России, затронувшего и Кабарду у религиозных деятелей, следовавших девизу – «чтобы исполнить духовную миссию в мире, необходимо пользоваться политической властью»⁸⁵ – появился шанс на политическое лидерство, которое по-прежнему оставалось прерогативой аристократии. К. Чхеидзе писал по этому поводу: «Духовенство в глубине души, наверное, ненавидевшее большевиков, шло с ними, надеясь, что в союзе с большевиками возобладает над влиянием князей и дворян и станет единым руководителем народа»⁸⁶.

Так и случилось. На короткое время власть в Кабарде оказалась в руках религиозных деятелей. Ее институциональным выражением явился Военно-Шариатский Революционный Совет, который возглавил Н. Катханов – духовное лицо, в недавнем прошлом ученик (сохст) одной из мусульманских школ. Состав Совета, помимо трех русских коммунистов, корректирующих

* Даже высокие религиозные и военные авторитеты, если они были не знатного происхождения, считались не лучшей партией в брачном союзе. Женидьба наиба Шамиля Магомет-Амина, посланного к черкесам для организации и руководства борьбой с российской экспансией, на дочери темиргоевского князя была воспринята, по словам Сталя, как «неслыханный пример неравного брака с дагестанским пастухом». Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону, 2011. Т. 3. С. 122.

его деятельность в нужном партии ключе, был представлен сплошь выходцами из духовенства, то есть из крестьян. Кабардинское дворянство окончательно было отстранено от участия в управлении народом.

§ 3. Статусные комплексы и претензии крестьянина как почва для «народного бунта»

Большевистская агитация среди кабардинского крестьянства была направлена, прежде всего, на преодоление в его сознании «культы дворянства» и сопутствующих ему учтивости и почитания, которыми еще пользовались в народе знатные особы. Им по-прежнему, не считаясь с возрастом, выделяли почетное место на различного рода застольях, считали долгом пригласить на торжества, пускались в пляс с их негласного одобрения и т.д. Межсословная субординация достаточно заметно проявлялась в сфере бытовых отношений: «если навстречу едут уорк и простолюдин, то он сходил с коня и здоровался, а тот сойдет, отдохнет, а затем, когда садиться, то простолюдин держит стремя и не садится на своего коня пока уорк не отъедет. Если крестьянин идет к уорку с просьбой то сообщает слуге. Иногда уорк мог сказать: «узнай, что там ему нужно? А иногда передавал приглашение, и он входил, но говорил стоя у двери»⁸⁷.

Однако в этой системе этикетных взаимоотношений периодически случались сбои. С одной стороны эмансипированный крестьянин как заметил В. Кажаров «начинает более болезненно относиться к напоминанию о его прошлой крепостной зависимости»⁸⁸, с другой стороны дворянин, чувствующий шаткость и размывание социальных барьеров, пытается сохранить и проявить свой статус хотя бы в бытовом взаимодействии с простолюдином.

Конфликтные ситуации, вызванные этими обстоятельствами, зафиксированы в этнографических и документальных материалах, охватывающих период конца XIX – начала XX вв. В 1895 г. на дворянина Кургоко К. завели дело по обвинению в нанесении оскорблений односельчанину Аслангирею Г. В заявлении последнего говорилось, что во время судебного

разбирательства между указанными лицами по поводу пропажи коровы «...страсти накалялись и Кургого К. назвал меня собакой как бывшего крепостного, высказал угрозу, что убьет меня и виноват не будет, и, замахнувшись плетью, бросился на меня. Позже, на улице К. вновь повторил те же обидные для меня слова и угрозу»⁸⁹. Как видно, дворянин Кургоко К., выражая свое возмущение Аслангирею Г., которого, по всей видимости, подозревал в воровстве, акцентирует внимание на его низком сословном происхождении, служащем как бы дополнительным обоснованием для подозрений, критичных высказываний и угроз. С другой стороны, крестьянина беспокоит не только угроза его жизни, но и задетое самолюбие, которое он готов защищать в суде.

Характерный для нашего повествования инцидент, возникший на почве различного понимания нюансов межсословной субординации, записал в 1972 г. В. Кажаров со слов жителя с. Лескен Т. Лиева (1880 г.р.). «В доме Жилитежевых по случаю приезда князя Атажукина собралось много людей. Слева и справа от Жилитежева сидели Атажукин и Хамурзин, которым было по 20 лет. Все остальные, в том числе и старики, стояли. Калакова Аксыру поставили третьим, а меня как самого младшего – двенадцатым. Князья ели, пили около часа, не удостаивая нас своим вниманием. Тогда Калаков, не вытерпев, попросил слова. Он начал с того, что попросил Жилитежева представить гостивших у него князей. Жилитежев удивился такому началу, но все-таки представил их, сказав, что это самые дорогие гости, каких ему когда-либо приходилось принимать. На это Аксыр ответил: – Кто бы они ни были, нужно соблюдать адыгэ хабзэ. Где это было видано, чтобы двух князей сажали за один стол? ПшитІ зы Іэнэ тЫсыркЪым. После этих слов в комнате произошел переполох. Князья вскочили и схватились за пистолеты. Ведь их, князей, которых народ издавна почитал за блюстителей древних обычаев, какой-то третьеразрядный уорк упрекал в незнании адыгэ хабзэ. Во избежание скандала нам пришлось убраться из этого дома»⁹⁰.

Здесь описан, ставший возможным в условиях изрядно деформированных иерархических отношений «этикетный» конфликт между князем и «мелким» дворянином. Можно предположить, что в поступке последнего, отразились настроения в

среде крестьянства, которое, отдавая дань традиции, уже с неким усилием, и, возможно, без прежнего пиетета удостоивало почетом знатных особ. Но если дворянин, пусть и в завуалированной форме, но все же выражал недовольство отведенной ему второй ролью в обществе более привилегированных лиц, то крестьянин старался не обнаруживать свои эгалитарные устремления, по крайней мере, до тех пор, пока дело не доходило до откровенного пренебрежения и грубых жестов в его адрес. Тогда уже и крестьянин мог дать волю эмоциям.

На свадьбе крестьянин Тарчоков Маша сел на лошадь и стал гарцевать перед собравшимися. К нему подошел один из дворян Анзоровых и сказал: «как ты посмел показывать свое мастерство без нашего согласия?». Крестьянина это возмутило, и он ранил из пистолета сделавшего ему неприятное замечание^{*91}.

На слуху был еще один случай: в 1911 г. Анзоров Шаоцук на одном из торжеств не позволил танцевать Маремкулову Дзадзу, что послужило причиной драки. Очевидец этого происшествия следующим образом прокомментировал случившееся: «Дворяне не разрешали танцевать тхукотлю (крестьянину) без разрешения. Однако в начале XX века их престиж сильно поколебался. Поэтому возникали ссоры и драки»⁹².

На сходе жителей с. Хату-Анзорово в мае 1895 г. крестьянин К. Бетрозов, поссорившись с П. Анзоровым, выхватил кинжал и пытался нанести ему ранение, что стало предметом судебного разбирательства. В материалах дела, помимо прочего, было также указано, что Бетрозов «возвысил голос противу узденя 1-й степени Пшемахо Анзорова и выразился, что он, Бетрозов, старше как личность Анзорова»⁹³. Такое смелое и дерзкое поведение крестьянина и тот факт, что он дожил до суда – наглядное свидетельство упадка авторитета знати, о чем говорилось выше. Но, в то же время, дворянин возмущен не только тем, что мог погибнуть, но в не меньшей степени и

* Этот инцидент, однако, впоследствии, не заставил крестьянина неприязненно относиться к представителям благородных сословий вообще и к роду своего обидчика, в частности. Уже после провозглашения советской власти в Кабарде Тарчоков Маша оказывал посильную помощь подвергшейся гонениям семье Анзорова Мата. В 30-е годы он даже навещал членов этой семьи во Владикавказе, где та скрывалась от преследований у себя на родине в Кабарде. (Из воспоминаний Маржан Анзоровой, 1933 года рождения. Личный архив Шапаровой А.К.).

тем, что обидчик – крестьянин вообще, поправ обычай, возвысил «голос противу узденя» и, к тому же, посмел оспаривать его престиж. В архивах сохранились и другие свидетельства обращений представителей высших сословий Кабарды в судебные инстанции с исками «о защите чести и достоинства», по которым ответчиками выступают представители крестьянства, задевшие бранным словом или неподобающим поведением гордость знатных особ. Характерным в этом отношении является, к примеру, дело (1894 г.) по обвинению жителя с. Ашабова в «распространении кляуз на князя Атажукина»⁹⁴.

Особое внимание в исковых заявлениях дворяне обращают на то, что зазнавшиеся крестьяне смеют оспаривать их престиж. Подобно П. Анзорову, возмущившемуся словами Бетрзова, о том, что «он старше его как личность», дворяне Тавкешевы также не оставили без разбирательства амбиции крестьян Кардановых, считавших себя «равными» им по статусу, всего лишь на основании того, что являются свободными⁹⁵.

Эмоциональные выпады крестьян, комплексующих по поводу своего незнатного происхождения, говорят о том, что для «неблагородных» слоев населения Кабарды, постепенно актуализировались вопросы престижа, статусности, равных прав и возможностей, не обусловленных сословной принадлежностью. Стремление крестьянина заявить о своей значимости отражают его неудовлетворенность тем положением, при котором он, уже долгое время свободный и, возможно, преуспевший в различных делах человек, обделен тем вниманием и почетом, которыми дворянин может быть удостоен всего лишь по праву рождения.

Приведенные выше конфликтные ситуации проявлялись как частные эксцессы, что в условиях эволюционного вектора развития народа, в массе своей все еще придерживающегося традиционных форм субординации в сфере межличностных отношений*, не грозило социальными потрясениями.

Однако умелая пропаганда в крестьянской среде, уже ощущающей революционные веяния, искусственное возбуждение в

* Возможно, не будь революции и последовавшей за ней ликвидации высших сословий, подобные формы взаимодействия по сей день являлись бы приметой кабардинцев. Их соотечественники оказавшиеся после Кавказской войны за рубежом и поэтому не затронутые советской классовой политикой, по сей день сохранили некоторые элементы межсословной субординации.

ней комплекса инстинктов связанных с чувством ущемленного собственного достоинства, способствовали тому, что статусные привилегии дворянства начинают выступать раздражителем для «простонародья», консолидирующим его в отстаивании групповых интересов.

Подобно тому, как генерал Ермолов, пытаясь ослабить сопротивлявшихся российской экспансии представителей кабардинской знати, повелевал их подвластным при встрече с ними «...действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют»⁹⁶, большевики также, борясь с «контрреволюционным дворянством», призывали кабардинских крестьян, порвав с традицией, отказаться от своих «этикетных повинностей». В 1918 г. на митинге в одном из малокабардинских селений революционер М. Фанзиев увещевал собравшихся: «хватит быть халуями князей, которые бы пили чай, а мы бы стояли на дворе и смотрели. Довольно носить им чай, обжигая пальцы»⁹⁷.

И подобно тому, как русская власть, проводившая в период Кавказской войны политику социального раскола, брала под свою опеку сбежавших от кабардинских владельцев «холопов», так и советская власть, в поисках социальной опоры, обещала крестьянину, порывавшему с обычаем почтительного отношения к знатной особе, защиту и всяческие блага.

§ 4. Борьба с большевизмом: вопросы сословной чести

Гражданская война в Кабарде вылилась не только в противостояние идеологий, социально-политических систем, борьбу за власть и экономические выгоды. Здесь попутно шло еще выяснение отношений между «зазнавшимся» простонародьем и «оскорбленной» знатью. Как верно заметил Хан-Гирей, «... черкесские дворяне часто друг друга ненавидят, ...но там, где чернь угнетает, оскорбляет дворянина, попирает привилегии высшего сословия, чувство патрицианское сближает их, и плебеи становятся для них ненавистными»⁹⁸.

Оглядываясь в прошлое, кабардинский аристократ не мог припомнить случаев крестьянских выступлений, ставивших

целью уничтожение власти высших сословий, в том числе и истребление последних. Да, были волнения, но они не сопровождались сколько-нибудь серьезными насильственными действиями и восставшие не пытались, свергнув господ, прийти к власти. Самое масштабное антифеодалное выступление кабардинских крестьян, произошедшее в июне 1767 г. было вызвано желанием последних добиться от владельцев соблюдения традиционных норм и нюансов в отношениях личного господства и подчинения, которые феодалы в условиях начавшейся российской экспансии стали периодически нарушать. Конфликт был мирно улажен в ходе переговоров группы влиятельных князей и дворян с представителями восставших, итогом которых явилось обещание феодалов не превышать свои полномочия.

Теперь же, спустя 150 лет крестьянин, подбадриваемый большевиками, созрел для более серьезных претензий, удовлетворение которых оборачивалось для аристократии полной потерей прав и привилегий, и в конечном итоге ее уничтожением.

После провозглашения советской власти в Нальчикском округе в марте 1918 г. сразу же обозначился курс на вытеснение представителей традиционных элит из общественно-политической жизни, ущемление их экономических прав. Указы и распоряжения советской администрации того периода отчетливо говорят о том, что им не доверяли ни службу в военизированных формированиях («советская власть не может доверять охрану себя и интересов трудящихся богатым и прочим прихвостням контрреволюции, все всадники, поступающие в интернациональный отряд должны быть из трудящихся – бедноты плоскости и пастухов гор, но снаряжены исключительно за счет имущего класса»⁹⁹), ни в органах новой власти на местах («обществу должно быть внушено, что даже неграмотный трудовой земледелец будет управлять делами трудового народа лучше, чем образованный богатей или его прислужник»¹⁰⁰).

Представители кабардинской знати, на которых навесили ярлык «богатеев и прихвостней контрреволюции» лишались избирательных прав, облагались высокими налогами, на наиболее состоятельных из них была наложена контрибуция. Многие князья и дворяне в соответствии с декретом о ликвидации

в стране частной собственности потеряли свои земельные участки. Сопротивлявшимся действиям советской власти арестовывали и заключали под стражу. Все это было унижительным и подрывало авторитет аристократии. Оскорбительными для дворянства стали также указы о запрете ношения оружия (не распространявшемся на «трудовой народ») ¹⁰¹ и об установлении фиксированной суммы калыма в тысячу рублей «за всех девушек независимо от социального происхождения» ¹⁰². То есть теперь княжна с формальной стороны, была такой же «обычной невестой» как и крестьянская девушка.

Крестьянские активисты, воодушевленные революционным подъемом в соседних с Кабардой округах начали уже открыто агитировать против своей элиты. На Съезде народов Терека в Моздоке (январь 1918), обсуждавшем вопрос провозглашения советской власти в регионе, представители от Кабарды (которых, кстати, никто не уполномочивал что-либо представлять) заявили, что «трудящиеся массы Нальчикского округа единодушно сплотились против своих самозванных правителей – князей и узденей; мы поняли, что противники наших интересов – наши владетельные люди, которые захватили земли и обездолили трудовой народ» ¹⁰³.

Гневные речи в адрес князей и дворян звучали и на менее представительных площадках, таких как сельские сходы. Особое место уделяли наглядной агитации: на знаменах, формируемых из местного населения революционных отрядов часто «красовались» лозунги вроде этого – «смерть дворянам и князьям – угнетателям кабардинского народа» ¹⁰⁴.

Постепенно в крестьянской среде стали проявляться следы большевистской пропаганды, подхваченной незначительной группой местных активистов*, и заключавшейся в формировании неприязненного, враждебного отношения к дворянству как к таковому. От речей, лозунгов и пересудов антидворянской

* Кем являлись эти люди, видно из секретного сообщения начальника Кабардино-Балкарского областного отдела ОГПУ Михельсона в вышестоящие инстанции: «... революция, как таковая, выдвинула из крайне революционных участвующих непосредственно в ломке феодального строя сил лиц, совершенно ранее незаметных (Калмыков, Хачетлов, Бозиев, Катханов, Максидов и т.д.). Эти лица целиком из самых забытых, экономически слабых фамилий, выдвинутые естественным ходом революционных событий, теперь, конечно, выявляют подлинное лицо Советской власти применительно к условиям национальной действительности». Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария 1920–1992. Нальчик, 2007. С. 206.

направленности вскоре перешли к насилию в отношении представителей высших сословий. Причем помимо «государственного» насилия (конфискации, аресты, расстрелы), в практику входило провоцируемое и поощряемое большевистской властью «народное» насилие, преподносившееся как справедливый акт исторического возмездия угнетенных слоев населения. «Довольно нам жить по пословице, что один князь носит девять шуб, а девять крестьян носят одну шубу, – возбуждал толпу на митинге в Нальчике активный революционер Б. Калмыков, – пора взяться за оружие и приняться за князей и дворян»¹⁰⁵. Видимо, впечатленные этой и подобными речами, крестьяне в апреле 1918 г. сожгли дома дворян Мата и Мудара Анзоровых а тремя днями позже нанесли побои двум братьям Коголкиным¹⁰⁶.

К. Чхеидзе описавший ситуацию, сложившуюся в Нальчикском округе в первые месяцы большевистской власти, отмечал: «...никто не был гарантирован от ареста, обыска. Началась усиленная агитация против имущих слоев населения. А так как в Кабарде почти все имущие, то науськиванием воспользовались абреки и деморализованные люди. То там, то здесь происходили грабежи. Большевики давали им политический отенок. Негодование населения росло...»¹⁰⁷.

Массовый характер беспорядки приобрели в ноябре-декабре 1918 г. Нальчикский округ захлестнула волна погромов, мародерства и насилия, исходившая от красноармейских частей, а также местного населения и затронувшая в первую очередь и по большей части кабардинскую знать. Многие из ее представителей поддержали бывшего офицера «Дикой дивизии» З. Даутокова-Серебрякова, который со своим отрядом в октябре 1918 г. освободил Кабарду от большевиков и, приструнив наиболее активных из их последователей, навел здесь порядок. Естественно, после его отступления начались преследования «контрреволюционеров», сопровождавшиеся массовыми всплесками «народного гнева». Дома князей, дворян и других социально чуждых категорий населения как участвовавших так и не участвовавших в антибольшевистском движении открыто подвергались разграблению. О масштабах и глубине поразившей общество классовой ненависти говорит и то обстоятельство, что, нередко, провоцируемая большевиками

толпа не просто расхищала имущество, но и уничтожала все, что не могла унести, завершая свой акт борьбы с «угнетателями народа», поджогом дома.

О характере погромов родовых гнезд кабардинской аристократии можно судить хотя бы из описи имущества князя Атажуко Атажукина, составленной после двухмесячного пребывания Кабарды под властью большевиков. Возвратившись в свое имение, Атажуко Атажукин, все это время скрывавшийся как князь от преследований, увидел следующую картину: «...сорван с пола линолеум, печь с терракотовыми рамами уничтожена, отбита штукатурка с потолка, сорваны обои, с печи сорван кафель, колонка медная для нагревания воды уничтожена, две двери сорваны и уничтожены, отбита совершенно деревянная обшивка в коридоре, вся галерея с двойными стеклянными рамами и коробками уничтожена, внутренняя часть кунацкой выгорела совершенно, в конюшнях уничтожены ясли сосновые, летняя кухня разрушена, в саду 150 фруктовых деревьев уничтожены, забор вокруг сада на 180 саженей уничтожен»¹⁰⁸. Важно отметить, что адыгская мораль считала уничтожение имущества, а тем более поджог дома, наиболее постыдными деяниями.

Советская власть не считалась со званиями, титулами и статусом противника, но, напротив, использовала это как повод для более сурового, пренебрежительного обращения с ним. Кроме того, большевики стремились привить подобный стиль взаимодействия со знатью и народным массам.

Покушение на жизнь, собственность и привилегии не воспринималось бы дворянством так болезненно, если бы оно явилось следствием вынужденного подчинения превосходящим внешним силам. Но поскольку это покушение исходило от лица бывшего подвластного «неблагородного» населения, что было само по себе нонсенсом для Кабарды, возмущение знати не знало предела. В представлениях дворянина крестьянин не мог занимать высокие позиции в общественной иерархии. Теперь же большевики ставили «человека из народа», простолюдина во главе Кабарды. Налоев Жансох словами одного из персонажей своего произведения князя Герандуко Лапишева, выразил переживания знати по этому поводу: «нам, князьям, лучше погибнуть, чем находиться под властью взбунтовавшихся холопов»¹⁰⁹.

Под властью «холопов» кабардинское дворянство, конечно же, оказываться не собиралось. Как только отголоски октябрьского переворота стали доходить до Нальчикского округа, князья и дворяне, наделенные властью сельских старшин, и просто пользующиеся авторитетом принялись проводить на сходах разъяснительные беседы, предостерегающие жителей поддаваться революционным настроениям и убеждающие в чуждости большевистской идеологии и ее неприемлемости в местной среде. Сельчан запугивали: «коммунисты заберут ваших жен, сделают их общими, закроют мечети, отберут землю и имущество», увещевали: «все мы братья, и все наши вопросы разрешим без большевиков, мы хотим только полной независимости Кабарды», отвращали: «большевики это отбросы пищи, выделяемые организмом» и, наконец, призывали: «продайте скот, купите оружие, не допустите большевиков»¹¹⁰.

Когда советская власть была все же провозглашена в Кабарде, наметились два пути сопротивления ей. Первый (как отмечалось выше) заключался в занятии представителями традиционных элит ключевых позиций в новых властных структурах (правительство Шакманова). Это помогло на время обезопасить Кабарду от скатывания в состояние анархии, предотвратить острую социальную конфронтацию и не допустить «разбазаривания» кабардинских земель в ходе решения земельного вопроса на Тереке.

Второй путь, очевидность которого еще более обозначилась после силового смещения «контрреволюционного» правительства Шакманова большевиками, предполагал вооруженную борьбу с последними. Стронниками и инициаторами этой борьбы являлась, прежде всего, кабардинская знать, которая, по словам К. Чхеидзе не могла принять «...проповедь насилия, разрушения, отвержение религиозных и семейных устоев, ненависть ко всему личному, национальному – словом, хаос, который представляли собой большевики»¹¹¹.

Кроме того, помимо политических и экономических мотивов противостояния новой власти, важным побудителем выступало возмущение фактом оскорбления сословной чести, что в представлениях знати являлось «пощечиной» всей Кабарде. «В глазах кабардинца, – пишет З. Кожев, – его родина ассоциируется с понятиями социальными. Къэбэрдейжъу

уэркъыжъыбэ – «Кабарда (старая / древняя / могучая) – урков (старых / древних / могучих) множество» – выражение, ставшее нарицательным и часто встречающееся в старинных кабардинских песнях. В нем между Кабардой и аристократическим обществом ставится знак равенства, игнорирующий остальные сословия, подразумевающий, что лишь военная аристократия и есть Кабарда»¹¹².

В риторике кабардинских антибольшевистских кругов рефреном звучала тема защиты сословной чести, национальной гордости. Когда в октябре 1918 г. З. Даутоков-Серебряков освободил Нальчик от большевиков, вернувшийся к исполнению своих обязанностей председатель Нальчикского окружного совета Т. Шакманов, выразил ему благодарность «за восстановления чести и самостоятельности Кабарды»¹¹³. Сам З. Даутоков-Серебряков, по выражению его противников – местных революционеров «воевал против большевиков за то, чтобы князь оставался князем, а дворянин – дворянином»¹¹⁴. В белогвардейских частях, сформированных из жителей Нальчикского округа, была популярна сложенная «по горячим следам» песня о том, как «аул Клишбихабль спас честь кабардинского дворянства»^{*115}. В характерной стилистике выдержано и «Воззвание» Правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского к населению округа: «...в ком живет желание быть не на словах, а на деле честными, благородными кабардинцами, кабардинцами, коим дорога Кабарда, честь порядочность, ...заветы наших лучших людей Казаноква Жабаги и других, кому священны заветы Корана как один человек должны взяться за оружие ради спасения Кабарды и Ислама от богоотступников-большевиков, кто еще не потерял совесть идите в Нальчик защищать честь, счастье ваших детей, родных»¹¹⁶.

К. Чхеидзе отмечал, что кабардинские «антибольшевики как-то слишком подчеркнуто выполняли требования «адыгэ-хабзэ» (обычая), оказывали преувеличенное почтение старшим, ...говорили о кабардинском «напэ» (лицо), о значении кабардинской старины, моральных устоях жизни...»¹¹⁷.

* Этот аул во время пребывания Нальчикского округа под властью большевиков в ноябре-декабре 1918 г. не допустил погромов и разграбления домов противников советской власти (о чем говорилось выше), за что в 1919 г. был освобожден от штрафов, наложенных на остальные селения. Более того, выходцы из этого аула оказали существенную поддержку действиям З. Даутокова-Серебрякова.

Вооруженный путь противостояния большевизму предполагал, прежде всего, создание организованной боеспособной силы, каковая появилась в Кабарде в августе 1918 г., в лице «Отряда свободы», возглавляемого уже не раз упомянутым выше З. Даутоковым-Серебряковым.

Как сложился этот отряд? По сведениям жителя селения Псыхурей Л. Сокурова «дворяне из Кабарды Тавкешев Абу, Лафишев Зулкарней и др. поехали к полковнику Даутокову-Серебрякову в г. Моздок и предложили ему как военспецу заняться формированием княжеско-дворянского отряда»¹¹⁸. К. Чхеидзе, как непосредственный участник антибольшевистского движения в Кабарде, представил более подробную картину: «Всадники, собиравшиеся в отряде Заурбека (З. Даутокова-Серебрякова – О.Ж.), принадлежали к различным слоям кабардинского народа. Первыми стали прибывать старослужащие Кабардинского полка и кабардей-ворки (дворяне II класса). Религиозно и национально настроенные селяне посылали своих сыновей. Потом стали прибывать офицеры Кабардинского полка: русские и кабардинцы. Дальше – офицеры других частей, живших в Нальчике. Князья и балкарцы вступили в отряд позже... Отряд занимался усиленной муштровкой. Создавалась строевая часть опытным начальником. Кабардинцы, как конники, чрезвычайно годный элемент». Необходимость противодействия большевистской власти дала возможность кабардинскому дворянству ощутить себя на своем месте, то есть собираться в ополчения и участвовать в сражениях, что воскрешало дух, позабытой наезднической культуры.

Упомянутые К. Чхеидзе «национально и религиозно настроенные селяне» это представители той группы кабардинского крестьянства, которая не соблазнилась большевистской пропагандой, не могла принять навязываемые ею новые идеалы и в союзе с дворянством выступила за сохранение традиционного бытия, ценности которого являлись надсословными, общенациональными.

В крестьянской среде обнаружили и те, кто, считая проявление учтивости к знатному человеку данью традиции, воспринял покушение большевиков на дворянское достоинство как личное оскорбление. К тому же сама крестьянская среда, не была ментально однородна и сплочена. Она была представлена

группами, занимавшими в недалеком прошлом различные позиции в социальной иерархии – от вольноотпущенников, не редко выступавших в роли «крепостников» до домашних рабов. Антагонизм между этими группами проявлялся и после крестьянской реформы, ликвидировавшей градацию зависимых сословий. Поэтому политическая и социальная активность, проявленная в революционный период низшими категориями кабардинского крестьянства, была враждебно воспринята более привилегированной его частью, по своему мировоззрению тяготеющей к дворянству.

Наличие крестьянских ополченцев в войске З. Даутокова-Серебрякова, не было препятствием тому, чтобы оно воспринималось и позиционировалось как дворянское. В документах, мемуарах, этнографических источниках, касающихся того периода, антибольшевистские вооруженные формирования Кабарды именуются не иначе как «дворянский полк», «княжеско-дворянские отряды», «узденская сотня» и т.д. Однако эти названия отражают не только и не столько социальный состав ополчений, сколько сам дух и смысл борьбы, борьбы аристократических ценностей с плебейской моралью.

Итак, антибольшевистское войско было сформировано и приступило к действиям: столкновения с красноармейскими отрядами, разоружение революционных частей, освобождение занятых ими селений. Однако в первые недели все эти боевые операции осуществлялись в приграничных с Нальчикским округом землях, т.е. за пределами ареала расселения кабардинских аулов, где собственно (в станице Солдатской) и был организован отряд З. Даутокова-Серебрякова. Помимо тактических соображений, послуживших причиной отсрочки военных действий на территории непосредственно Нальчикского округа, были еще и соображения морального характера. Как писал К. Чхеидзе, З. Даутоков-Серебряков «...медлил перенести действия отряда на кабардинскую землю, потому что не хотел брать на себя ответственность за начало братоубийственной войны»¹¹⁹. С одной стороны, дворянское ополчение выступило, в том числе, и на защиту «...неграмотного, запуганного простого народа, не знающего своих прав», как это было сказано в «Воззвании» З. Даутокова-Серебрякова. С другой стороны, дворянскому ополчению предстояло сойтись на поле брани с частью

этого народа, той, которая встала на сторону большевиков. То есть намечалась война дворян с крестьянами, что было чем-то новым для Кабарды.

История взаимоотношений кабардинской аристократии с народом не знала вооруженных столкновений. Для представителей высших сословий война являлась, по сути, профессией и велась либо с внешним врагом, либо с равными по статусу оппонентами во время междоусобиц. Бывали случаи привлечения крестьянского ополчения в качестве вспомогательной силы для отражения превосходящего по численности врага, после чего оно сразу же расформировывалось. Дворяне в «простолюдинах» не видели угрозы своему положению, исключали (сам характер феодальных отношений в Кабарде исключал) возможность организации ими вооруженных формирований, способных, к тому же, конкурировать или противостоять дружинам знатных воинов. Когда известный кабардинский ясновидец Лиуан Бжихатлов, живший предположительно в XVI в. предрек, что «чувяки из грубой кожи», т.е. крестьяне, «пойдут войной против сафьяновой обуви», т.е. князей и дворян, и победят, последние, прослышав об этих словах, с издевкой ответили: «...ну и что же, если бы даже чувячное войско и восстало, думаете что эти голодранцы чего-либо смогут совершить? Ха-ха! Им не в первый раз совершать «большие дела» босиком»¹²⁰.

Подобный скептицизм относительно способностей неблагородных сословий к военному делу по инерции перекочевал и в представления последующих поколений знати, некоторые представители которой, уже не являясь профессиональными воинами, по-прежнему считали военную сферу своей компетенцией. Поэтому, уже в период гражданской войны многие дворяне не воспринимали противостоящие им красноармейские отряды, набранные из крестьян, как достойных противников, несмотря на то, что среди них встречались прирожденные воины. «И эти – красные, – писал К. Чхеидзе, – без сомнения, лихие джигиты – и они были кабардинцами...»¹²¹.

Борьба с большевизмом, точнее с тем его сегментом, который был представлен кабардинским крестьянством, воспринималась знатью как подавление «холопского бунта», наказание и приведение к порядку ослушавшихся, перешедших границы дозволенного выходцев из простонародья. Характерно

в этом отношении Распоряжение З. Даутокова-Серебрякова, распространенное в кабардинских селениях в январе 1919 г.: «Напоминая о недавних безобразиях в округе, когда опьяненное свое же мусульманское население грабило имущество своих братьев, угоняло скот и поджигало дома, я обязан предупредить население, что ему предстоит жестоко поплатиться за содеянное, если только оно не раскается»¹²².

Риторика в отношении примкнувшей к большевикам прослойки кабардинского общества, изобиловала уничижительными эпитетами, как бы обозначающими ее маргинальность, оторванность от «здоровой» части социума. Революционер Т. Ахохов, представлявший Кабарду на владикавказском съезде народов Терека, жаловался, что представители «свергнутых классов» называют «работников народной власти босяками»¹²³. Комментируя действия красноармейских отрядов в Нальчикском округе, Правитель Кабарды Т. Бекович-Черкасский, в частности, отметил: «...зная наше тяжелое положение, известный враг нашего народа, Катханов, собрав *все подонки общества* (курсив наш – О.Ж.) в Кабарде и горной Осетии двинулся на Нальчик с целью захватить власть...»¹²⁴.

К ноябрю 1918 г. обстановка в Терской области меняется в пользу большевиков. Им удается подавить восставших против советской власти терских казаков, взять под контроль стратегически важные коммуникации и населенные пункты. Отряды З. Даутокова-Серебрякова в этих условиях вынуждены были оставить Кабарду и отступить на Кубань. Здесь они влились в Добровольческую армию А. Деникина и в авангарде последней, в январе 1919 г. в ходе наступления на Терек вновь заняли Нальчикский округ. С этого момента начался длившийся чуть больше года период его пребывания под «белой» властью*, отменившей все законы и установления большевиков.

Высшие сословия стали восстанавливать утраченные позиции в общественно-политической и хозяйственной жизни. Труднее было восстановить деформированный революцией

* Характеризуя период своего правления на Северном Кавказе, А. Деникин отмечал, что «фактически горские племена пользовались полнейшей самостоятельностью; единственной государственной тяготой для них была платная поставка продовольствия расположенным в их районах войскам и обязанность выставять в действующую армию боевые части сообразно численности своего населения». Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1925. Т. 4, 5. С. 115.

социальный климат. Предстояло выстраивать отношения с народом, точнее с той его частью, которая, поддержав большевиков, участвовала в погромах, грабежах и насилии, в том числе, и в отношении представителей знати. То есть была перейдена черта, за которой прежнее мирное, регулируемое традицией сосуществование было невозможно. Да и сама традиция требовала от пострадавших жесткой реакции по факту уничтожения имущества, преследований и гибели родственников. Учитывая то, что пострадавшими были представители знати, а причастными к их бедам «бывшие холопы», эта жесткость усиливалась жаждой отмщения задетой сословной чести. К тому же обстановка гражданской войны исключала различного рода церемонии, когда речь шла о наказании.

В документах той поры отмечается, что князья и дворяне «самолично, путем запугивания или тех или иных репрессий предьявляли жителям, принимавшим участие в разграблении имущества всевозможного рода требования о возвращении такового, или уплаты его стоимости, а то и просто забирали имущество таковых лиц»¹²⁵.

Было бы ошибочным предполагать, что представители знати были обеспокоены лишь устройством собственных дел. Сложившаяся ситуация обязывала их как имеющих статус, авторитет и опыт управления брать инициативу в свои руки и наводить порядок во всей Кабарде. Во-первых, необходимо было восстановить хозяйственную сферу, которая находилась в плачевном состоянии после двухмесячного властвования большевиков. По свидетельствам очевидцев «все добро кабардинского народа, заключавшегося в стадах и табунах, в 1918 г. было уничтожено, хозяйство народа... разрушено»¹²⁶. Во-вторых, больших усилий требовали мероприятия по пресечению подпольной большевистской деятельности и подавлению краснопартизанского движения в Кабарде.

Эти и другие вопросы стали предметом обсуждения на съезде кабардинского народа и пяти горских обществ, прошедшем в Нальчике в апреле 1919 г. Кабарда давно не видела такого представительного собрания. Как минимум половину из ста двадцати участников съезда составляли кабардинские князья и дворяне, которые, как и их предки, созывавшие в судьбоносные моменты Хасу, собрались для разрешения неотложных общенародных проблем.

Вопросы лидерства в кабардинском антибольшевистском движении, определялись, в том числе, и с учетом занимаемого его участниками места в сословной иерархии. Уже после того как З. Даутоков-Серебряков приступил к очищению Нальчикского округа от красноармейских отрядов, он получил письмо от одного влиятельного князя. Последний порекомендовал ему, помимо прочего, «держаться в Кабарде скромнее и, предпринимая что-либо, советоваться с теми, чей авторитет уже признан кабардинцами»¹²⁷.

То обстоятельство, что З. Даутоков-Серебряков по происхождению был знатный дворянин, но не князь, послужило дополнительным мотивом назначения Правителем Кабарды в период деникинского режима генерал-лейтенанта, князя Т.Б. Бековича-Черкасского. К. Чхеидзе писал по этому поводу: «То высокое место в освобожденной Заурбеком (З. Даутоковым-Серебряковым – О.Ж.) Кабарде, которое по праву принадлежало ему, отдали другому. Этот другой был человеком отличных качеств, бесспорного ума и мужественного сердца. Сверх того, этот человек был старше Заурбека. И Заурбек признал его начальство над собою. И это повелевали обычаи. Как мог он, призывающий к порядку, воспевающий обычаи, отказаться от своего слова?»¹²⁸.

Деятельность администрации Т. Бековича-Черкасского была осложнена условиями военного времени. Мобилизация в белую армию, реквизиции продовольствия, различного рода налоги, карательные рейды по селам, «сочувствующим большевикам» вызывали недовольство значительной части населения властью Деникина в целом и, представляющей ее в Кабарде местной аристократией, в частности.

Поражение белых частей по всем фронтам гражданской войны предопределило судьбу антибольшевистских сил Нальчикского округа. В марте 1920 г. организованной четырехтысячной колонной из значительно поредевших полков белогвардейской Кабардинской конной дивизии и сотен беженцев они отступили из Нальчика в направлении Владикавказа и далее в Грузию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликт интересов полярных социальных групп осложнил протекание революционных процессов и гражданского противостояния в кабардинском обществе, добавив трагизм и в без того тяжелый период его истории. Высшие сословия не желали мириться с потерей статусных привилегий и признавать над собой власть бывшего подвластного населения. Последнее, в свою очередь, связывало с советской властью надежды на улучшение своего социально-экономического положения, и готово было ради этого «потеснить» прежнюю элиту.

Среди покинувших Кабарду после установления здесь советской власти было много представителей высших сословий. Это и те, кто непосредственно принимали участие в антибольшевистском движении, и те, кто служили в структурах денкинской администрации, и те, кто просто считал, и не безосновательно, свое происхождение достаточным основанием для преследований. Как писал К. Чхеидзе «черный народ, то есть «кара-халк» (объединение кабардинской крестьянской бедноты – О.Ж.), принимавший в свое время участие в борьбе с белыми и наказываемый за это, с яростью готовился накинуться на тех из своих противников, которые останутся по той или иной причине»¹²⁹.

Как следствие, оставшаяся часть дворянства подвергалась различного рода репрессиям уже в ходе, как тогда казалось, окончательного утверждения советской власти. Многие были расстреляны, многие получили длительные сроки в тюрьмах и лагерях. Остальные, будучи ограниченными в правах не допускались в управленческие, хозяйственные, образовательные и другие учреждения новой власти. Чтобы как-то выжить

приходилось менять фамилии, место жительства, подкупать чиновников и т.д. В крестьянской среде, тем не менее, неоднозначно отнеслись к тотальному преследованию дворянства. Находились и те, кто с удовольствием наблюдали за падением прежней элиты, помогая доносами советским карательным органам выявлять «бывших». Но были так же и те, кто с сочувствием относились к постигшим их бедам, оказывая посильную помощь в преодолении оных.

Однако позиция большевистской власти по «дворянскому вопросу» в Кабарде была однозначной – полное искоренение. Началась борьба за ликвидацию дворянства не только как класса, но и борьба с аристократическим обликом Кабарды, в целом. Этот облик не вписывался в выстраиваемую большевиками пролетарскую, оторванную от традиций, по сути, плебейскую модель общественного устройства, то есть лишенную каких-либо аристократических черт.

В Кабарде развернулась широкая антидворянская пропагандистская компания. Искажались фольклорные сюжеты, воспевающие ратные дела князей. В исторической и художественной литературе, театре, прессе, позднее и в радиоэфирах значительное место отводилось критике дореволюционной Кабарды, лицом которой выступали князья и дворяне. В массовом сознании они должны были восприниматься как «дармоеды», бездельники и угнетатели «трудового народа». Одновременно пытались стереть память о них. В спешном порядке правительственным указом были переименованы все кабардинские селения, носившие названия по имени владельцев – князей и дворян. Уничтожались надгробные камни и мавзолеи знатных особ. Из предмета гордости, дворянство должно было стать для народа предметом стыда и всякого рода комплексов.

Ликвидация высших сословий, отказ от созданного ими в течение столетий мощного культурного пласта обезличили, морально, духовно, эстетически обеднили Кабарду (что негативно сказывается на сегодняшнем состоянии общества), практически свели на нет ее былой престиж в северо-кавказском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Л. 132.
2. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 169.
3. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 53.
4. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону, 2011. Т. 3. С. 122.
5. *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика. Нальчик, 1991. С. 89.
6. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. С. 145.
7. УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 266. Л. 1, 2.
8. Там же. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2990. Л. 1.
9. УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3032. Л. 15.
10. *Давидович С.Ф.* Восхождение на Эльбрус // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1880-1900/Davidovic/text.htm>
11. Крестьянская реформа в Кабарде. Нальчик, 1947. С. 99, 100.
12. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 36. Паспорт 30.
13. *Березгов Б.Н.* Черкесская диаспора. (Страницы истории зарубежных черкесов) // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 29.
14. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Паспорт 2.
15. *Каламбий.* Записки черкеса. Нальчик, 1988. С. 68, 69.
16. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 11.

17. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 267.
18. *Кудашев В.* Исторические сведения о кабардинском народе. Репринтное издание. Нальчик, 1990. С. 213.
19. *Калмыков Ж.Л.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 45.
20. *Ермоленко М.И.* Былое. Записи из центральной части Северного Кавказа. По Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1932. С. 3, 4.
21. УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 30. Л. 142.
22. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Нальчик, 2003. Т. 1. С. 83.
23. *Шаханов Б.А.* Указ. соч. С. 89.
24. *Тульчинский Н.П.* К сословному вопросу туземцев Северного Кавказа. Терские ведомости, 1901. № 36.
25. *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Кавказские горцы. Сборник сведений. М., 1992. С. 24.
26. УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 3. Д. 11. Т. 1. Л. 19.
27. ЦДНИ КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 11. Л. 48.
28. Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века. Нальчик, 2005. С. 142.
29. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. С. 102.
30. Крестьянская реформа в Кабарде. С. 102.
31. *Думанов Х.М.* Килар Хаширов: исследования и материалы. Пятигорск, 2009. С. 228, 298.
32. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 362.
33. *Думанов Х.М.* Указ. соч. С. 227.
34. *Давидович С.Ф.* Указ. соч.
35. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 30. Л. 6.
36. Живая старина. Нальчик, 1993. № 3. С. 170.
37. Материалы «Комиссии при Правителе Кабарды по выяснению и удовлетворению убытков лиц ограбленных и разоренных большевиками». Нальчик, 2013. С. 247, 248.
38. Адыгская публицистика... 2005. С. 143.
39. *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 73.
40. Информатор Гутов А.М. 1943 г.р. Селение Аушигер.

41. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Паспорт 2.
42. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 21.
43. *Кази Атажукин.* Избранное. Нальчик, 1991. С. 155.
44. *Каламбий.* Указ. соч. С. 197, 198.
45. *Бгажноков Б.Х.* Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 96.
46. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 36. Паспорт 30.
47. *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 53.
48. Крестьянская реформа в Кабарде. С. 106.
49. Там же. С. 65.
50. *Мафедзев С.А.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991. С. 189.
51. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. С. 25.
52. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Паспорт 22.
53. *Каламбий.* Указ. соч. С. 195.
54. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.
55. *Каламбий.* Указ. соч. С. 186.
56. УЦГА АС КБР. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.
57. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Паспорт 1.
58. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 36. Паспорт 32.
59. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Паспорт 5.
60. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25. Паспорт 27.
61. *Налоев З.М.* Институт джегуако. Нальчик, 2011. С. 252.
62. *Хан-Гирей.* Избранные произведения. Нальчик, 1974. С. 327.
63. *Кон И.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М., 2010. С. 65.
64. *Чехов А.П.* Цветы запоздалые. М., 1988. С. 219, 222.
65. *Давидович С.Ф.* Указ. соч.
66. *Марков Е.* Очерки Кавказа. СПб.–М., 1902. С. 45, 46.
67. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 36. Паспорт 6.
68. ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 16. С. 50–52.
69. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 94.
70. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38. Л. 18.
71. ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 16. С. 31–34.
72. *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2005. С. 20.
73. Там же. С. 385, 386.
74. *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 45, 46.

75. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып. 1. С. 185–187.

76. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25. Паспорт 20.

77. The Chemical journal. Апрель 2012. С. 23.

78. Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик, 1979. С. 30.

79. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 20. Паспорт 26.

80. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 203 об.-204.

81. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38. Л. 37.

82. Адаб баксанского культурного движения. Нальчик, 1991. С. 23.

83. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 52. Паспорт 38.

84. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Нальчик, 1956. С. 305.

85. Текуева М.А. Назир Катханов: Штрихи к политическому портрету // Известия КБНЦ РАН. 2003. № 1. С. 110.

86. Чхеидзе К.А. Указ. соч. С. 86.

87. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 20. Паспорт 38.

88. Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 147.

89. УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2266. Л. 1, 2.

90. Там же. Д. 10. Паспорт 6.

91. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Паспорт 1.

92. Там же. Паспорт 24.

93. УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3216. Л. 3, 4.

94. Там же. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2992. Л. 1об.

95. См.: Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 152.

96. Там же. С. 419.

97. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 12. С. 179.

98. Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 233.

99. Улигов У.А. Указ соч. С. 132.

100. Там же. С. 137.

101. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. С. 142.

102. Улигов У.А. Указ соч. С. 158.

103. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922). Нальчик, 1983. С. 56.

104. *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 82.
105. Документы по истории борьбы за советскую власть... С. 34.
106. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. С. 25, 30.
107. ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 1в. С. 7, 8.
108. Материалы «Комиссии при Правителе Кабарды...». С. 3, 44.
109. *Нало Жансэхьу.* Литературей щЭиныр. Налшык, 2004. С. 226.
110. УЦДНИ КБР. Ф. 2459. Оп. 1. Д. 6. Лл. 15, 16, 18, 24.
111. *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 45.
112. Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 397.
113. УЦГА АС КБР. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.
114. Архив КБИГИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 76. С. 162.
115. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 511. Л. 76.
116. Личный архив В. Жуменко. Париж.
117. *Чхеидзе К.А.* Указ. соч. С. 85.
118. УЦДНИ КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 77. Л. 31.
119. *Чхеидзе К.А.* Страна Прометей. Нальчик, 2004. С. 223.
120. Сказания о Жабаги Казаноко. Нальчик, 2001. С. 295.
121. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. ... С. 77.
122. УЦГА АС КБР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
123. *Улигов У.А.* Указ соч. С. 176.
124. Там же. С. 266.
125. УЦГА АС КБР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.
126. *Опрышко О.Л.* На изломе времени. Нальчик, 1996. С. 96.
127. ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 18. С. 18.
128. *Чхеидзе К.А.* Страна Прометей. Нальчик, 2004. С. 143.
129. *Жанситов О.А.* Воспоминания К.А. Чхеидзе о событиях гражданской войны на Тереке // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. № 3. С. 478–479.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Кабардинская знать накануне революции: отголоски бывшего могущества	7
§ 1. <i>Утрата военно-управленческих функций, разорение</i>	7
§ 2. <i>Условия и механизмы сохранения сословной идентичности</i>	15
Глава 2. Революция в Кабарде: сословный аспект	33
§ 1. <i>Провозглашение советской власти и проблемы ее закрепления</i>	33
§ 2. <i>Элитарные амбиции духовенства</i>	40
§ 3. <i>Статусные комплексы и претензии крестьянина как почва для «народного бунта»</i>	43
§ 4. <i>Борьба с большевизмом: вопросы сословной чести</i>	47
Заключение	60
Список литературы	62

Научное издание

Жанситов Осман Асланович

**МЕЖСОСЛОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАБАРДЕ
В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Компьютерная верстка *А.Х. Гоновой*
Технический редактор *А.В. Гергокова*
Корректор *З.В. Черкесова*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97, 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

Подписано в печать 20.10.2014 г. Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 3,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 100). Заказ № 11

Лицензия ИД № 040940 о 04.02.1999

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии издательства КБНЦ РАН

Адрес типографии: 360000, г. Нальчик, ул. И. Арманд, 37 “а”.
Тел. (8662) 42-65-42